

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

**№3(9)
2023**
02.10.2023

№3(9) 2023

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ

2 октября 2023 года

RELEASE DATE:

October 2, 2023

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер:

серия ЭЛ № ФС 77-78424

от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала

ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media
(Roskomnadzor).

Registration number:

ЭЛ series no. ФС 77-78424

of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal

ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,

ул. им. Гагарина, д. 8

Тел.: (8442) 72-68-46;

e-mail: journal_nauka@vlgr.ranepa.ru

http://paradigmy34.ru/

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,

Gagarin Street Campus, building 8

Tel.: (8442) 72-68-46;

e-mail: journal_nauka@vlgr.ranepa.ru

http://paradigmy34.ru/

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2023

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 2023

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Осетрова Анна Юрьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Абдрашитов Вагип Мнирович – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Братановский Сергей Николаевич – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова г. Москва, Россия

Елисеев Вячеслав Сергеевич – Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Кабанов Вадим Николаевич – Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

Кублин Игорь Михайлович – Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Ларионов Аркадий Николаевич – Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Попкова Елена Геннадьевна – Московский государственный институт международных отношений (университет), г. Москва, Россия

Попелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Сафаров Бахтовар Амралаевич – полномочный представитель Республики Таджикистан в Российской Федерации, Республика Таджикистан

Чукин Сергей Георгиевич – Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Дагестан

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Anna Yu. Osetrova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Agip M. Abdrashitov – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey N. Bratanovsky – Plekhanov Russian University of Economics Moscow, Russia

Vyacheslav S. Eliseev – Kutafin Moscow State Law University, Russia

Vadim N. Kabanov – National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Arkady N. Larionov – National Research Moscow State University of Civil Engineering Moscow, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University Volgograd, Russia

Elena G. Popkova – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Bakhtovar A. Safarov – Plenipotentiary Representative of the Republic of Tajikistan in the Russian Federation, Republic of Tajikistan

Sergey G. Chukin – Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation Saint-Petersburg, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Dagestan

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

Али-заде Айдын Ариф оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Алмосов Александр Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Анисимов Алексей Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аширбекова Мадина Таукеновна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Баранов Андрей Владимирович – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Барсукова Татьяна Ивановна – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Болтанова Елена Сергеевна – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Брехова Юлия Викторовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ван Цзиньлин – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Гурбанов Физули Магомед оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Дроздова Юлия Алексеевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Иванова Татьяна Борисовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ишмухамедов Шарип Абдрахманович – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан

Карипов Балташ Нурмухамбетович – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Климук Владимир Владимирович – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь

Лю Янь – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Максимова Ирина Васильевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Маслова Надежда Валентиновна – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Марусинина Елена Юрьевна – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Рагозина Татьяна Эдуардовна – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия

Столярова Алла Николаевна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Талипова Нигора Тулкуновна – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устюкова Валентина Владимировна – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

Aydin A. Alizade – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Alexander P. Almosov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Aleksei P. Anisimov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Madina T. Ashirbekova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Andrey V. Baranov – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tatyana I. Barsukova – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena S. Boltanova – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yulia V. Brekhova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Wang Jinling – Changchun University, Changchun, China

Fuzuli M. Gurbanov – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Yulia A. Drozdova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Tatyana B. Ivanova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Sharip A. Ishmukhamedov – Turan University, Almaty, Kazakhstan

Baltash N. Karipov – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Vladimir V. Klimuk – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus

Liu Yan – Changchun University, Changchun, China

Irina V. Maksimova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Nadezhda V. Maslova – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia

Elena Yu. Marusinina – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Tatyana E. Ragozina – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia

Alla N. Stolyarova – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nigora T. Talipova – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Valentina V. Ustyukova – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

Бабанов А. А., Зубарев Ю. А.
Сравнительный анализ социальной
эффективности различных механизмов
управления сферой физической
культуры и спорта..... 7

Babanov A. A. Zubarev Yu. A.
Comparative analysis of social efficiency
of different management mechanisms
in the sphere of physical culture
and sport..... 7

Захарова И. В., Селезнёв Д. О.
Цели и принципы региональной
молодежной политики..... 14

Zakharova I. V., Seleznev D. O.
Goals and principles
of regional youth policy..... 14

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

PARADIGMS OF MANAGEMENT HISTORY

Фомин А. Н.
Становление советской системы
публичной власти с 1918
до начала 1930-х годов..... 25

Fomin A. N.
Establishment of public power
in the Soviet Union from 1918
to the early 1930s..... 25

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Лукаш А. И.
О некоторых актуальных вопросах
обеспечения информационной и цен-
ностной безопасности в России..... 41

Lukash A. I.
Current issues of ensuring information
and value security
in Russia..... 41

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ECONOMIC DEVELOPMENT

Иванова Т. Б.
Взаимодействие факторов экономиче-
ского развития территорий (на при-
мере Царицына, Дубовки, Сарепты с
момента основания до конца XIX века
и Царицына-Сталинграда-Волгограда
в XX–XXI веке)..... 54

Ivanova T. B.
Interaction of factors of economic develop-
ment of territories (by the example
of Tsaritsyn, Dubovka, Sarepta
from the date of foundation until the end
of the XIX century and Tsaritsyn-Stalingrad-
Volgograd in the XX–XXI centuries)..... 54

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
РЕГИОНОВ**

**Махмутходжаева Л. С.,
Талипова Н. Т.**
Цифровая экономика как важная
составляющая экономического
развития современного Узбекистана.... 72

**ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА**

Федюнина Е. Н.
Основные подходы к формированию
политики макроэкономической
стабилизации..... 83

**SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF REGIONS**

**Makhmutkhodjaeva L. S.,
Talipova N. T.**
Digital economy as an important component
of the economic development of modern
Uzbekistan..... 72

**THEORY OF ECONOMIC
ANALYSIS**

Fedyunina E. N.
Basic approaches to policy formation
macroeconomic
stabilization..... 83

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 796/799:33+796.072.2

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Александр Альбертович Бабанов

Юрий Александрович Зубарев

Волгоградская государственная академия физической культуры, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье приводится сравнительный анализ эффективности различных механизмов управления массовым спортом у нас и за рубежом.

Методы. В соответствии с заявленной целью, авторы использовали следующие методы: контент-анализ научных работ, посвященных вопросам управления и финансирования массового спорта у нас и за рубежом; сравнительный анализ различных моделей развития массового спорта; обобщение результатов исследования и выводы.

Анализ. В работе проводится анализ организационных и финансово-экономических механизмов, регулирующих развитие массового спорта в РФ и за рубежом.

Заключение. Социальную эффективность управления массовым спортом в нашей стране можно признать недостаточной. Повысить вовлеченность в занятия массовыми спортивными практиками можно активизируя пропаганду здорового образа жизни среди населения и мотивируя его всеми возможными средствами, а также увеличив внебюджетное финансирование данного сектора физической культуры и спорта, позволяющее уменьшить затраты граждан на занятия спортом из семейного бюджета.

Ключевые слова: социальная эффективность, массовый спорт, управление, методы регулирования, модели развития.

UDC 796/799:33+796.072.2

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL EFFICIENCY OF DIFFERENT MANAGEMENT MECHANISMS IN THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

Alexander A. Babanov

Yuri A. Zubarev

Volgograd State Academy of Physical Culture, Volgograd,
Russian Federation

Abstract. Introduction. The article provides a comparative analysis of the effectiveness of various mass sports management mechanisms in our country and abroad.

Methods. In accordance with the stated goal, the authors used the following methods: content analysis of scientific papers on the management and financing of mass sports in our country and abroad; comparative analysis of various models of the development of mass sports; generalization of research results and conclusions.

Analysis. The paper analyzes the organizational and financial and economic mechanisms that regulate the development of mass sports in the Russian Federation and abroad.

Conclusion. The social efficiency of managing mass sports in our country can be considered insufficient. It is possible to increase involvement in mass sports practices by activating the promotion of a healthy lifestyle among the population and motivating it by all possible means, as well as by increasing extra-budgetary funding for this sector of the FKIS, which makes it possible to reduce the costs of citizens for sports from the family budget.

Keywords: social efficiency, mass sports, management, regulation methods, development models.

Введение. Современный мир уже невозможно представить без физической культуры и спорта (ФКиС). Спортсмены, устанавливающие рекорды на международных соревнованиях, являются не только героями незабываемых зрелищных мероприятий, но и повышают престиж своей страны. Но спорт высших достижений – это удел немногих. Огромное количество людей занимается ФКиС не для получения наград и высоких спортивных достижений, а для укрепления здоровья, поддержания хорошей физической формы и социальной активности. Массовый спорт является самым эффективным способом борьбы с нездоровым образом жизни и

асоциальным поведением, особенно в молодежной среде. Поэтому финансовые затраты на массовые спортивные практики окупаются заметным снижением потерь трудоспособности населения, связанного с вредными привычками и низкими показателями физического развития.

Учитывая социальную и экономическую значимость сферы ФКиС, во всех развитых странах мира большое внимание уделяется ее развитию, разрабатываются наиболее эффективные варианты управления и финансирования этой сферы, включающие как государственные бюджетные, так и внебюджет-

ные источники. В литературе широко обсуждаются методы налогового регулирования, которые делают экономически выгодными отчисления средств спортивным организациям и стимулирующие таким образом бизнес и другие организации инвестировать в сферу спорта [1, 2, 5, 6, 9–11]. Мировой опыт налогового регулирования развития массового и профессионального спорта был учтен при разработке Стратегии развития ФКиС в РФ на период до 2030 года, которая рекомендует активизировать работу по «выработке и реализации мер по налоговой поддержке организаций, осуществляющих деятельность в сфере физической культуры и спорта», а также оказывать «содействие росту доли внебюджетных источников финансирования» (Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года» [8]).

Значение внебюджетного финансирования особенно велико для развития массового спорта в России, поскольку имеется очевидный перекоп в объемах бюджетных инвестиций в разные сектора сферы ФКиС: объем финансирования спорта высших достижений в 7 раз превышает объем финансирования массового спорта [9]. Увеличение вложений в массовые спортивные практики должно повысить привлекательность занятий спортом для граждан нашей страны, вовлеченность которых в массовый спорт в настоящее время признана недостаточной – только 36 % населения регулярно занимаются ФКиС, тогда как в экономически развитых странах это показатель намного выше – около 60 % [9]. Такое очевидное отставание требует оптимизации методов регулирования развитием спорта для всех, в связи с чем работы, посвященные ана-

лизу положительного международного социального опыта развития этой сферы, представляются весьма актуальными.

Целью настоящей работы – проведение сравнительного анализа результативности и социальной эффективности управления массовыми спортивными практиками в экономически развитых странах мира.

Методология. Основной эмпирической базой исследования стали контент-анализ научных работ, посвященных вопросам управления и финансирования массового спорта у нас и за рубежом, а также программные документы Правительства РФ.

Анализ. Во всех странах мира признается высокая социальная значимость спорта для всех как наиболее эффективного средства укрепления и поддержания здоровья нации. Этим можно объяснить приоритетную роль государства в поддержке различных форм деятельности в этой сфере отрасли ФКиС. Поскольку отечественный показатель охвата населения спортивными услугами уступает аналогичному показателю других развитых стран, опыт управления механизмами развития массовыми спортивными практиками в этих странах может быть полезным.

Большим подспорьем в развитии сектора ФКиС за рубежом является система налоговых льгот, которые предоставляются не только самим физкультурно-спортивным организациям, но и тем учреждениям, которые их финансируют. Гибкий механизм налогообложения достаточно эффективен и позволяет регулировать развитие сферы спорта, особенно если льготы существенные или организация полностью освобождается от налогов [1, 2, 9, 10].

Во всех странах мира финансирование массового спорта осуществляется в основном средствами госбюджета и личными средствами граждан. Соотношение долевого уча-

ствия этих источников в разных странах отличается, на что влияет ряд факторов: это уровень развития экономики страны, культурный уровень и традиции, а также отношение населения к физическому здоровью. В тех странах, где хорошая физическая форма стала визитной карточкой успешного человека, личные вклады населения являются основным источником финансирования спортивных организаций (более 56 % всех поступлений), около 32 % денежных средств поступают из местного бюджета [6]. Существуют страны, где превалирует государственное финансирование спорта для всех. Различные модели организации массового спорта отличаются только по соотношению долевого участия в их финансировании государства и населения, что отчетливо прослеживается при анализе данного вопроса на примере отдельных экономически развитых стран.

В пятерку сильнейших спортивных держав мира сегодня входит Китай, поэтому китайская модель управления спортом представляет определенный интерес. Особенностью этой модели является то, что она полностью государственная. Внебюджетные поступления от крупного бизнеса используются для финансирования только спорта высших достижений. Поддержка массового спорта осуществляется исключительно государством. Сохранение здоровья населения и, особенно, молодежи – приоритет государственной политики. Интерес к занятиям спортом прививается с детства. В стране 1 раз в 4 года проводятся Национальные игры для учеников средних школ и отдельно – для студентов высших учебных заведений [6]. В стране вводится обязательный вступительный экзамен по физической культуре при поступлении в университет на любую специальность, а зачисляются в вуз только те абитуриенты, которые его сдали [3]. Активное привлечение к занятиям спортом дало свои плоды – около

60 % населения Китая занимаются в различных спортивных клубах, что соответствует уровню данного показателя в высокоразвитых европейских странах [3].

Во Франции доля государственного финансирования тоже велика – на каждый евро, потраченный французом на занятия спортом из семейного бюджета, государство расходует дополнительно 80 центов, тогда как в других развитых странах дотации государства значительно меньше – от 30 до 50 центов [6].

Примером модели организации оздоровительного спорта с ограниченным государственным финансированием является Великобритания. Оплата занятий в спортивных клубах осуществляется почти полностью из личных средств англичан, что зачастую ложится тяжким бременем на семейные бюджеты и негативно отражается на физической активности населения страны.

В Германии государство вкладывает деньги не в спортивно-оздоровительные учреждения, а в компании по пропаганде массового спорта. Немецкий спортивный союз разрабатывает и выступает с программами по повышению двигательной активности для лиц разного возраста. Регулирующая роль государства в данном секторе ФКиС оригинальна, но очень эффективна – более 60 % населения регулярно занимаются спортом [9].

Своеобразная модель управления массовым спортом имеется в США. Здоровый образ жизни объявлен приоритетом для страны, а руководители всех предприятий и учреждений обязаны не только мотивировать всех своих сотрудников вести активный образ жизни, но и создавать всевозможные условия для занятий спортом. Государство контролирует выполнение данного обязательства, но при этом не финансирует и не руководит развитием массового спорта.

Массовый спорт в России развивается в соответствии с государственной программой «Развитие физической культуры и спорта», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г.) [7]. Программно-целевой подход, лежащий в основе финансирования массового спорта, обеспечивает социальную направленность при распределении бюджетных средств [5], но вместе с тем самих средств может быть недостаточно, так как ФКиС финансируются по остаточному принципу.

Использовать личные средства для оздоровительных занятий в спортивных клубах может себе позволить только небольшая часть населения нашей страны. Вероятно, этим можно объяснить недостаточно высокий уровень вовлеченности населения в массовые спортивные практики.

Анализируя особенности управления массовым спортом у нас и за рубежом, можно предположить, что социальную эффективность массового спорта в России можно повысить, если компенсировать бюджетное недофинансирование внебюджет-

ными источниками. Сделать это можно с помощью налогового регулирования работы государственных и частных предприятий, а также используя нематериальные рычаги для мотивации инвестирования средств в сферу ФКиС [4, 9].

Заключение. Социальную эффективность управления массовым спортом в нашей стране можно признать недостаточной. Повысить вовлеченность населения в занятия массовыми спортивными практиками можно активизируя пропаганду здорового образа жизни, повышая привлекательность спортивных мероприятий и поощряя занятия спортом методами материального и морального стимулирования. Другим действенным механизмом повышения эффективности управления спортом для всех является увеличение внебюджетного финансирования данного сектора ФКиС, позволяющее уменьшить затраты граждан на занятия спортом из семейного бюджета. Этому будет способствовать законодательное закрепление налоговых льгот для тех государственных и частных организаций, которые финансируют массовый спорт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богачев С. В., Пинская М. Р., Стещенко Ю. А. Зарубежный опыт налогового регулирования развития спорта // *Management sciences in Russia*. 2021. Т. 11 (1). С. 68–81.
2. Гордиенко М. С., Литвишко О. В. Бюджетно-налоговые и неналоговые механизмы развития индустрии спорта в Российской Федерации // *Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова*. 2020. Т. 17. № 3 (111). С. 97–109.
3. Гусинец Е. В. Организационно-институциональная модель управления физической культурой и спортом в республике Беларусь и Китае (сравнительный аспект) // *Эпоха науки*. 2020. № 23. С. 98–108.
4. Зубарев Ю. А., Ализар Т. А., Жарков С. А., Тихонов С. В. Особенности организации массового спорта в России и за рубежом // *Физическое воспитание и спортивная тренировка*. 2022. № 4 (42). С. 141–146.
5. Карлина А. А., Устина Н. А. Совершенствование процесса разработки и реализации муниципальных программ как механизма стратегического управления социально-экономическим развитием // *Вестник современных исследований*. 2018. № 7 (22). С. 442–447.
6. Намазов А. К., Газиева И. С. Массовый спорт за рубежом // *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения: Труды XI Всероссийской научно-*

практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 24–26. 11. 2016. Т. 11 (1). С. 433–437.

7. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 302 (ред. от 20.11.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019).

8. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 N 3081-р (ред. от 29.04.2023) «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/ (дата обращения 28.07.2023).

9. Симашенков П. Д., Буков А. В. Сравнительный анализ системы управления сферой физической культуры и спорта в Российской Федерации и за рубежом // Вестник международного института рынка. 2019. № 1. С. 97–102.

10. Чернобровкина Е. Б. Особенности налогообложения в области физической культуры и спорта в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 9. С. 139–140.

11. Чернобровкина Е. Б. Особенности финансирования физической культуры и спорта в России и за рубежом // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 7. С. 63–70.

REFERENCES

1. Bogachev S. V., Pinskaya M. R., Steshenko Yu. A. Zarubezhnyy opyt nalogovogo regulirovaniya razvitiya sporta // Management sciences in Russia. 2021. Т. 11 (1). S. 68–81.

2. Gordienko M. S., Litvishko O. V. Byudzhetho-nalogovye i nenalogovye mekhanizmy razvitiya industrii sporta v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik REU im. G. V. Plekhanova. 2020. Т. 17. № 3 (111). S. 97–109.

3. Gusinets E. V. Organizatsionno-institutsional'naya model' upravleniya fizicheskoy kul'turoy i sportom v respublike Belarus' i Kitae (sravnitel'nyy aspekt) // Epokha nauki. 2020. № 23. S. 98–108.

4. Zubarev Yu. A., Alizar T. A., Zharkov S. A., Tikhonov S. V. Osobennosti organizatsii massovogo sporta v Rossii i za rubezhom // Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka. 2022. № 4 (42). S. 141–146.

5. Karlina A. A., Ustina N. A. Sovershenstvovanie protsessa razrabotki i realizatsii munitsipal'nykh programm kak mekhanizma strategicheskogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem // Vestnik sovremennykh issledovaniy. 2018. № 7 (22). S. 442–447.

6. Namazov A. K., Gazieva I. S. Massovyy sport za rubezhom // Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya: Trudy XI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 24–26. 11. 2016. Т. 11 (1). S. 433–437.

7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 302 (red. ot 20.11.2018) «Ob utverzhdanii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitie fizicheskoy kul'tury i sporta» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2019).

8. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 24.11.2020 N 3081-r (red. ot 29.04.2023) «Ob utverzhdanii Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/ (data obrashcheniya 28.07.2023).

9. Simashenkov P. D., Bukov A. V. Sravnitel'nyy analiz sistemy upravleniya sferoy fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom // Vestnik mezhdunarodnogo instituta rynku. 2019. № 1. S. 97–102.

10. Chernobrovkina E. B. Osobennosti nalogooblozheniya v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2018. № 9. S. 139–140.

11. Chernobrovkina E. B. Osobennosti finansirovaniya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossii i za rubezhom // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 7. S. 63–70.

Информация об авторах

Александр Альбертович Бабанов, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук и экономики, Волгоградская государственная академия физической культуры, пр. им. В. И. Ленина, 78, 400005, г. Волгоград, Российская Федерация, babanovvgafk2@mail.ru

Юрий Александрович Зубарев, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры гуманитарных наук и экономики, Волгоградская государственная академия физической культуры, пр. им. В. И. Ленина, 78, 400005, г. Волгоград, Российская Федерация, zybarev45@yandex.ru.

Information about Authors

Alexander A. Babanov, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Humanities and Economics, Volgograd State Academy of Physical Culture, pr. IN AND. Lenina, 78, 400005, Volgograd, Russian Federation, babanovvgafk2@mail.ru

Yuri A. Zubarev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Humanities and Economics, Volgograd State Academy of Physical Culture, pr. IN AND. Lenina, 78, 400005, Volgograd, Russian Federation, zybarev45@yandex.ru.

Для цитирования: Бабанов А. А., Зубарев Ю. А. Сравнительный анализ социальной эффективности различных механизмов управления сферой физической культуры и спорта // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 7–13.

URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N3.pdf

УДК 351; 314.17

ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Инна Владимировна Захарова

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Российская Федерация

Дмитрий Олегович Селезнёв

Администрации муниципального образования «Майнский район»,
р.п. Майна, Ульяновская область, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В условиях трансформации социально-экономических процессов в нашей стране потенциал развития во многом обусловлен активностью молодёжи. Регионы России традиционно имеют значительную дифференциацию по экономическому уровню, качеству жизни, природно-климатическим условиям, демографической структуре. Эффективные модели региональной молодёжной политики позволяют нивелировать возникающие социальные проблемы. Цель исследования – проанализировать эффективную практику региона по созданию привлекательных для молодёжи условий жизнедеятельности, на основе чего определить принципы построения региональной молодёжной политики, которая способствует реализации стратегических задач социально-экономического развития территории.

Методы. Для реализации данной цели применены методы логического и системного анализа, анализ статистических данных, изучение и обобщение опыта регионального управления.

Анализ. Рассматриваются проблемы реализации молодёжной политики в регионах России. Обосновывается, что эклектичные проекты, программы, мероприятия разрозненных органов власти, направленные на решение проблем молодых людей, не являются полноценной молодёжной политикой. Указывается на отсутствие точных критериев эффективности управления в этой сфере. Рассмотрен опыт Ульяновской области в реализации молодёжной политики. Обобщаются методы активизации молодёжной инициативы и создания условий самореализации молодых людей.

Результаты. Выделены основные направления современных научных исследований молодёжи как субъекта в системе общественных отношений: социокультурное, социально-экономическое, общественно-политическое. Названы приоритетные социальные проблемы молодёжи, на решение которых направлены административные усилия в рамках регионального управления. Сформулированы принципы выстраивания молодёжной политики, способствующей решению стратегических задач развития страны.

Ключевые слова: молодёжь, региональная политика, стратегические цели, социально-экономическое развитие, общественная инициатива, проект, молодёжные организации.

UDC 351; 314.17

GOALS AND PRINCIPLES OF REGIONAL YOUTH POLICY

Inna V. Zakharova

Ulyanovsk State University of Education Ulyanovsk, Russian Federation

Dmitry O. Seleznev

Administration of the municipality «Mainsky district»,
settlement Maina, Ulyanovsk region, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the conditions of transformation of socio-economic processes in our country, the development potential is largely due to the activity of young people. The regions of Russia traditionally have significant differentiation in terms of economic level, quality of life, natural and climatic conditions, and demographic structure. Effective models of regional youth policy make it possible to neutralize emerging social problems. The purpose of the study is to analyze the effective practice of the region in creating attractive living conditions for young people, on the basis of which to determine the principles of building a regional youth policy that contributes to the implementation of strategic objectives of socio-economic development of the territory.

Methods. To achieve this goal, methods of logical and system analysis, analysis of statistical data, study and generalization of regional management experience were applied.

Analysis. The problems of the implementation of youth policy in the regions of Russia are considered. It is proved that eclectic projects, programs, activities of disparate authorities aimed at solving the problems of young people are not a full-fledged youth policy. It is pointed out that there are no precise criteria for the effectiveness of management in this area. The experience of the Ulyanovsk region in the implementation of youth policy is considered. The methods of activating youth initiative and creating conditions for self-realization of young people are summarized.

Results. The main directions of modern scientific research of youth as a subject in the system of public relations are highlighted: socio-cultural, socio-economic, socio-political. The priority social problems of young people are named, which administrative efforts within the framework of regional management are aimed at solving. The principles of building a youth policy that contributes to the solution of strategic tasks of the country's development are formulated.

Keywords: youth, regional policy, strategic goals, socio-economic development, public initiative, project, youth organizations.

Введение. Молодежная политика является одним из приоритетных векторов развития государства и регионов. Она направлена на создание условий для реализации потенциала молодых людей, поддержки их активности и самореализации. Во многих регионах страны сохраняется тенденция сокраще-

ния численности молодого населения. Крупные города выступают центрами миграционного притока молодёжи, при этом во многих регионах отмечается дефицит трудовых ресурсов [11; 12]. Региональные власти стремятся к сдерживанию миграционного оттока молодёжи как наиболее подвижной части

населения, имеющей высокий образовательный и профессиональный потенциал. Для этого в регионах прилагаются усилия по улучшению качества жизни, созданию рабочих мест, развитию социально-бытовой и культурной инфраструктуры, что позволяет удовлетворять потребности молодежи. В этой связи актуально изучение положительного опыта молодежной политики на уровне регионов. *Цель* данного исследования – анализ эффективной практики муниципального образования по созданию привлекательных для молодежи условий жизнедеятельности и формулировка принципов построения региональной молодежной политики, которая способствует реализации стратегических задач социально-экономического развития территории.

Методы. Поскольку молодежная политика включает комплекс направлений в сфере экономики и социального обеспечения, демографии и здоровьесбережения, образования и культуры, методологической основой исследования выбраны системный подход и деятельностный подход. Исходя из цели исследования, применены методы логического и системного анализа, анализ статистических данных, междисциплинарный анализ литературы и нормативно-правовых документов по проблемам молодежной политики, а также изучение и обобщение опыта регионального управления.

Анализ.

1. Стратегические цели молодежной политики Российской Федерации.

Проблемы молодежи являются отражением социально-экономических проблем всего общества, в связи с чем им традиционно уделялось внимание в документах стратегического планирования на всех уровнях государственной власти. С ростом экономики начала 2000-х годов появились возможности социальной поддержки молодежи и семей с детьми, что нашло отражение в Концепции

демографической политики России до 2025 (Указ Президента РФ № 1351 от 9.10.2007 г., ред. 1.07.2014 г.). Хотя в этом документе не выделены в самостоятельный блок проблемы молодежи, но разработан комплекс мер по улучшению демографических тенденций в стране, многие из которых касаются молодежи: меры по поддержке рождаемости, здорового образа жизни, социально-экономическому благополучию молодых семей.

Базовым документом, направленным на решение проблем молодых людей, является Распоряжение Правительства РФ № 2403-р» от 29.11.2014 г., «Об основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». В нём указаны не только пути совершенствования качества жизни молодых людей, но и новые цели социально-экономического развития страны, обусловленные глобальными изменениями в мире. С принятием данного документа значимым направлением молодежной политики России становится создание условий для активизации участия молодежи в общественной и экономической жизни, поддержке молодежных инициатив, развитии детских и молодежных общественных организаций.

Правовой основой данных направлений государственной политики стал Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 г., обозначивший её цели, принципы, основные направления. В законе впервые обозначены пути оценки результатов работы в данной сфере: на федеральном, региональном и муниципальном уровнях государственного управления осуществляется мониторинг реализации молодежной политики. При этом специалисты отмечают, что параметры эффективности её результатов выражаются преимущественно через количественные показатели [15], но данные результаты не

всегда можно оценить количественно, поскольку результаты проявляются только в отдалённой перспективе (например, образовательные эффекты, развитие культуры молодежи). Количество объектов инфраструктуры для молодых граждан, количество детских и молодёжных общественных организаций, проектов или отдельных мероприятий только отчасти можно связать с конечными результатами молодёжной политики – с общественной активностью молодых, их гражданской позицией, личностной и профессиональной самореализацией. Однако для практики государственного управления важно оценивать эффективность молодёжной политики, что является предметом исследований в различных областях знания.

2. Парадигмы современной молодёжной политики в отечественных исследованиях.

Молодёжь как особая социокультурная общность выступает объектом изучения социологии, социальной психологии, философии, культурологи, педагогики, политологии. Можно выделить три основных направления научных исследований, рассматривающих проблемы молодёжи и соответствующие им направления молодёжной политики государства.

а) *социокультурное направление* фокусируется на роли данной социальной общности в сохранении, трансляции и развитии национальных традиций, ценностей, творческого и научного потенциала. Отличительное социальное качество молодежи связывается с ее способностью наследовать, воспроизводить на качественно новой основе и передавать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений [5, с. 9]. В данном контексте молодёжная политика способствует воспроизводству национальной идентичности [16], а приоритетными зада-

чами такой политики выступают формирование у подрастающего поколения ценностей, установок, моделей поведения, соответствующих национальным идеалам и традициям. В реализации данных задач объединяются усилия системы образования, различных сфер культуры, СМИ, религиозных и иных общественных организаций;

б) *социально-экономическое направление* научных исследований молодёжи акцентирует внимание на её трудовом потенциале, рассматривает данную социальную группу как ресурс развития общественного производства, науки, технологий. В этой связи субъектами молодёжной политики выступают не только государство, а и другие заинтересованные силы. Принято дифференцировать понятия государственной и общественной молодёжной политики. Субъектами общественной политики являются не только политические партии и общественные объединения (организации), но и крупные хозяйственные структуры (предприятия, корпорации). Каждая из этих общественных сил обладает различными ресурсами и возможностями, в зависимости от которых и выстраивают свои подходы к формированию и реализации молодёжной политики [9, с. 4]. Каждая организация, которая заботится о развитии и наращивании своих трудовых ресурсов, проводит в рамках кадровой политики целенаправленную работу с молодёжью, обеспечивая данной категории обучение сотрудников, карьерные перспективы, дополнительные социальные гарантии;

в) исследования *общественно-политического направления* рассматривают молодёжь как движущую силу развития государства, ввиду чего задачи молодёжной политики направлены на вовлечение данной части населения в общественную жизнь, стимулирование её позитивной гражданской активно-

сти. Специалисты выделяют факторы, препятствующие такой активности молодых граждан: остросоциальные негативные настроения в современном обществе, в особенности чувство острой социальной несправедливости, чрезмерную протестную и анти-российскую пропаганду в социальных сетях, негативную новостную повестку в СМИ, отсутствие понимания карьерных и жизненных перспектив, понижение качества жизни, слабо развитую культурно-досуговую и образовательную молодежную инфраструктуру, особенно в небольших муниципальных образованиях [1, с. 74]. В большинстве стран постсоветского пространства сегодня отмечается активизация молодёжных движений, доля негосударственных и общественных организаций или движений среди основных молодёжных организаций увеличивается [13, с. 46]. Их активность более заметна в регионах, в которых имеет место быстрый рост населения. В большинстве территорий России обратная ситуация, и И. М. Ильинским отмечалось, что доля членов общественных объединений в общей численности молодежи невелика, и необходим пересмотр мер в вопросах государственной поддержки молодёжных и детских общественных объединений [6, с. 22]. Данная задача особенно актуальна в текущей социально-политической ситуации, когда требуется консолидация общества в противостоянии внешним вызовам.

Считаем, что в реализации государственной молодёжной политики основным структурным элементом выступают регионы и отдельные муниципальные образования. На этих уровнях государственной власти наиболее зримо видны проблемы молодёжи и результаты усилий, предпринимаемых для их преодоления.

3. Опыт региональной молодёжной политики.

Во всех регионах нашей страны реализуются схожие по содержанию механизмы реализации молодёжной политики, что обусловлено системой государственного и отраслевого администрирования, единой нормативно-правовой базой. Поэтому успешный опыт решения текущих проблем молодёжи в одном из регионов может транслироваться и другими территориями. Положительный опыт молодёжной политики в Ульяновской области есть.

Регион длительное время имеет отрицательный демографический баланс, более 30 % – пенсионеры. Молодёжь является самой малочисленной категорией населения, доля граждан в возрасте от 14 до 30 лет не превышает 15 %, а медианный возраст – 43 года [14], область является одной из самых «старых» в Приволжском федеральном округе. Особенно актуальными для региона являются вопросы повышения производительности труда и удержания на территории региона молодежи [10, с. 224]. В последние годы проблема сдерживания миграционного оттока молодого населения из Ульяновской области решается успешно, за 2018–2022 гг. он составил только 8300 чел. При этом третий год растёт численность занятых в экономике региона (рис. 1).

У работающей молодёжи региона есть проблемы с трудоустройством. Опрос 2019 г. показал, что только 37,6 % молодых людей трудятся по специальности. Причинами этого называют низкий заработок (31,3 %), отсутствие вакансий (23,8 %), отсутствие опыта работы (20 %). Тем не менее, для ульяновской молодежи свойственен социальный оптимизм, т.е. уверенность в своих силах, вера в возможность реализации своих сил и способностей в работе [7, с. 59]. Это отчасти говорит об эффективности реализуемой в регионе молодёжной политики.

Рис. 1. Динамика численности населения Ульяновской области, тыс. чел.

Одной из главных задач молодежной политики является обеспечение доступа молодых людей к образованию и профессиональному развитию. Проведённый нами в Ульяновской области социологический опрос показал значимость социально-экономических условий региона для профессионального самоопределения старшеклассников, построения ими образовательной стратегии [4, с. 120]. Выбирая вуз, выпускники школ учитывают, в числе других факторов, качество жизни в регионе.

Молодёжная политика Ульяновской области направлена на создание условий для самореализации молодых людей. При этом их социальная активность зависит от удовлетворенности социально-экономическими, бытовыми, культурно-досуговыми сторонами жизни по месту жительства. Можно согласиться с мнением европейских исследователей, которые ещё в 2001 г. в одном из документов по молодёжной политике констатировали: «Принимая участие в жизни школы, района, местности или ассоциации, молодые люди могут приобрести опыт и уверенность, они должны пойти на шаг дальше, сейчас или позже, в общественной жизни своих стран, а также и на европейском уровне» [2, с. 137].

Рассмотрим методы активизации молодёжной инициативы, которые реализуются в Ульяновской области.

При Законодательном собрании региона действует Молодёжный парламент, созданный для поддержки социальной активности молодых граждан, формирования их политической и правовой культуры. Молодёжное Правительство Ульяновской области работает как консультативный орган при Губернаторе. В каждом районе области созданы межведомственные координационные структуры – Молодежные Советы, которые занимаются анализом и разработкой стратегии развития молодежной политики территорий. Важную роль в реализации молодежной политики региона выполняют молодежные организации. Как партнёры государства, они способствуют решению проблем, связанных с жизненными интересами и потребностями молодых людей. Молодежные организации представляют собой сообщества, объединяющие молодых людей по различным интересам и направлениям деятельности: спортивные, культурные, образовательные.

В Ульяновской области оказывается административная и финансовая поддержка инновационной активности молодёжи, а

«...территориальная система образования действует как многоуровневая система поддержки талантов» [3, с. 29–30]. В г. Ульяновске и региональных вузах действуют несколько «точек кипения» – площадок, которые ориентированы на поиск и поддержку талантливых молодых людей, на разработку и реализацию новых технологий, способствуют образованию и профессиональному развитию молодежи.

Значимым аспектом региональной молодежной политики является поддержка экономической активности. С этой целью из областного бюджета ежегодно выделяются гранты молодым предпринимателям. Опыт Ульяновской области подтверждает продуктивность партнёрства государства, бизнеса и некоммерческого сектора в решении проблем молодежи [8]. В области действует Центр поддержки начинающих предпринимателей «Мой бизнес», который организует консультации, семинары, специализированные тренинги, курсы повышения квалификации для молодых специалистов.

В числе направлений молодежной политики – работа с социально уязвимыми категориями молодых людей. Принята Программа содействия профессиональному образованию и трудоустройству молодых инвалидов (Постановление Правительства области № 66-П от 11.03.2021 г.). В г. Ульяновске реализуется муниципальная программа «Забота», предусматривающая ежемесячную материальную помощь студенческим семьям с детьми.

Активности молодых людей способствует развитие в регионе культурно-досуговой и спортивной инфраструктуры. Во всех регионах нашей страны уделяется внимание спортивным, культурным, творческим мероприятиям для молодежи, проводятся фестивали, концерты, соревнования, конкурсы молодежных проектов в различных областях,

выделяются стипендии для талантливой молодежи. Однако эклектичные программы, мероприятия разрозненных органов власти, направленные на решение проблем молодых людей, не являются полноценной молодежной политикой. Она эффективна, если представляет собой чёткую систему распределения обязанностей социальных структур, с отношениями власти, подчинения, контроля, что обеспечивает единство действий и непротиворечивость решений. В этом случае молодежная политика не только удовлетворяет текущие нужды молодых, но и становится базой социально-экономического развития общества.

Заключение. Молодежная политика является одним из приоритетных направлений развития современного общества. Каждый регион стремится создать благоприятные условия для жизни и развития молодых людей, которые будут способствовать их гражданской активности, личностному и профессиональному росту. Анализ отечественных исследований и практики управления позволяет выделить ряд принципов региональной молодежной политики, которые обеспечивают реализацию потенциала молодых людей, сохранение и наращивание человеческих ресурсов региона.

- принцип публичности молодежной политики, с привлечением к выработке решений общественности и передачей ряда полномочий молодежным объединениям;
- принцип комплексного стратегического планирования развития молодежного движения в регионе;
- партнерство государства, бизнеса, молодежных организаций и иных общественных организаций;
- приоритет поддержки молодежных проектов, стартапов, отдельных начинающих

предпринимателей, инновационных предприятий;

- принцип единства органов власти с социальными службами в решении проблем молодых людей;

- принцип гибкости в разработке и реализации управленческих решений, поскольку результативность управления зависит от грамотного планирования и своевременного адаптирования к меняющимся условиям жизни;

- принцип информационной открытости и активного распространения информации о существующих в регионе возможностях для молодёжи.

Построение регионального управления в соответствии с данными принципами позволит создавать новые возможности для самореализации молодых людей и обеспечит стабильность социально-экономического развития региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах // Вопросы управления. 2021. № 6 (73). С. 67–80. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-6-67-80.
2. Грачёв Е. Н. Концептуальные основы и механизм реализации молодежной политики ЕС // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 136–144.
3. Захарова И. В. Активизация научных исследований молодёжи в Ульяновской области // Поволжский педагогический поиск. 2019. № 2 (28). С. 26–31. DOI: 10.33065/2307-1052-2019-2-28-26-31.
4. Захарова И. В. Профессиональное самоопределение старшеклассников: социальные факторы и личные мотивы // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16. № 4. С. 120–135. DOI: 10.26907/esd.16.4.10.
5. Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодёжь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: Перспектива, 2016. 166 с.
6. Ильинский И. М., Луков В. А. О перспективах развития организованного молодежного движения в России (социально-философские, социологические, политико-правовые аспекты) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 5–28. DOI: 10.17805/zpu.2016.1.1.
7. Кадничанская М. И. Трудовые стратегии молодёжи г. Ульяновска // Молодёжь Ульяновской области как объект социогуманитарного анализа: аналитика, исследования, мнения: Сборник научных трудов / Под общ. ред. С. Д. Полякова. Ульяновск: УлГТУ, 2019. С. 53–63.
8. Кибанов А. Я., Ловчева М. В., Лукьянова Т. В. Реализация молодежной политики в Российской Федерации: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 149 с.
9. Меркулов П. А. Молодежная политика в России: государственные и общественные управленческие практики. Орёл: Среднерусский институт управления, 2017. 160 с.
10. Морозов С. И., Ильдуртов Е. А., Михеев А. В. Тенденции социально-экономического развития Ульяновской области // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 214, № 6. С. 215–233.
11. Панова Е. А., Опарина Н. Н., Андрушина Е. В. Современная российская молодежная политика: государственные ориентиры и региональная практика (на примере Дальневосточного региона) // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 194–216.

12. Пачина Н. Н., Блинникова О. Н. Молодежная политика в регионе: подходы, стратегии, технологии. Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2022. 116 с.

13. Салаев Д. Ж. Роль институтов гражданского общества в осуществлении государственной молодежной политики в Узбекистане // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 1А. С. 44–52. DOI: 10.34670/AR.2020.60.89.006.

14. Ульяновская область в цифрах. 2023: Краткий статистический сборник / ред. Д. Ю. Гудз. Ульяновск: Ульяновскстат, 2023. 122 с.

15. Федосеева К. П. Показатели, характеризующие качество государственных (муниципальных) услуг в сфере молодежной политики // Финансы и управление. 2021. № 2. С. 1–14. DOI: 10.25136/2409-7802.2021.2.35704.

16. Филимонов Д. А., Гаганова Е. В., Кирка А. В. Формирование российской национальной идентичности при реализации молодежной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 5 (74). С. 1556–1563. DOI: 10.35775/PSI.2021.74.5.019.

REFERENCES

1. Vasil'eva E. I., Zerchaninova T. E., Nikitina A. S. Grazhdanskaya aktivnost' i uchastie molodezhi v social'no-politicheskikh processah [Civic engagement and youth participation in socio-political processes]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2021. no. 6, pp. 67–80. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-6-67-80.

2. Grachyov E. N. Konceptual'nye osnovy i mekhanizm realizacii molodyozhnoj politiki ES [Conceptual bases and implementation of the EU Youth Policy]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2016, no. 5 (50), pp. 136–144.

3. Zaharova I. V. Aktivizaciya nauchnyh issledovaniy molodyozhi v Ul'yanovskoj oblasti [Activization of Youth Research in the Ulyanovsk region]. *Povolzhskij pedagogicheskij poisk* [Volga Region Pedagogical Search], 2019, no. 2 (28), pp. 26–31. DOI: 10.33065/2307-1052-2019-2-28-26-31.

4. Zaharova I. V. Professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov: social'nye faktory i lichnye motivy [Professional Self-determination of School Graduates: Social and Personal Factors]. *Obrazovanie i samorazvitie* [Education and Self-Development], 2021, Vol. 16, no. 4, pp. 120–135. DOI: 10.26907/esd.16.4.10.

5. Zubok YU. A., Rostovskaya T. K., Smakotina N. L. Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossijskom obshchestve [Youth and youth policy in modern Russian society]. Moscow: Perspektiva, 2016. 166 p.

6. Il'inskiy I. M., Lukov V. A. O perspektivah razvitiya organizovannogo molodezhnogo dvizheniya v Rossii (social'no-filosofskie, sociologicheskie, politiko-pravovye aspekty) [On the prospects of organized youth movement in Russia (socio-philosophical, sociological, political and legal aspects)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2016. no. 1, pp. 5–28. DOI: 10.17805/zpu.2016.1.1.

7. Kadnichanskaya M. I. Trudovye strategii molodyozhi g. Ul'yanovska [Labor strategies of the youth of Ulyanovsk], *Molodyozh' Ul'yanovskoj oblasti kak ob»ekt sociogumanitarnogo analiza: analitika, issledovaniya, mneniya* [Youth of the Ulyanovsk region as an object of socio-humanitarian analysis: analytics, research, opinions] / ed. by S. D. Polyakov. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2019, pp. 53–63.

8. Kibanov A. YA., Lovcheva M. V., Luk'yanova T. V. Realizaciya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii [Realization of youth

policy in the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M, 2022. 149 p.

9. Merkulov P. A. Molodezhnaya politika v Rossii: gosudarstvennye i obshchestvennye upravlencheskie praktiki [Youth policy in Russia: State and public administrative practitioners]. Orel: Central Russian Institute of Management, 2017. 160 p.

10. Morozov S. I., Il'dutov E. A., Miheev A. V. Tendencii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Ulyanovskoj oblasti [Rends of socioeconomic development of Ulyanovsk Region]. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific works of the Free Economic Society of Russia], 2018, Vol. 214, no. 6, pp. 215–233.

11. Panova E. A., Oparina N. N., Andryushina E. V. Sovremennaya rossijskaya molodyozhnaya politika: gosudarstvennye orientiry i regional'naya praktika (na primere Dal'nevostochnogo regiona) [Modern Russian Youth Policy: State Orientations and Regional Practice (Example of the Far Eastern Region)]. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik [E-Journal Public Administration], 2017, no. 64, pp. 194–216.

12. Pachina N. N., Blinnikova O. N. Molodezhnaya politika v regione: podhody, strategii, tekhnologii [Youth policy in the region: approaches, strategies, technologies]. Lipetsk: Lipetsk State Technical University, 2022. 116 p.

13. Salaev D. Zh. Rol' institutov grazhdanskogo obshchestva v osushchestvlenii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Uzbekistane [The role of civil society institutions in the implementation of the state youth policy in Uzbekistan]. Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy [Theories and Problems of Political Studies], Vol. 9, no. 1A, pp. 44–52. DOI: 10.34670/AR.2020.60.89.006.

14. Ulyanovsk region in numbers. 2023: a brief statistical collection / ed. by D. Y. Hudz. Ulyanovsk: Ulyanovskstat, 2023. 122 p.

15. Fedoseeva K. P. Pokazateli, karakterizuyushchie kachestvo gosudarstvennykh (municipal'nyh) uslug v sfere molodezhnoj politiki [Indicators characterizing the quality of State (Municipal) services in the sphere of youth policy]. Finansy i upravlenie [Finance and Management], 2021, no. 2, pp. 1–14. DOI: 10.25136/2409-7802.2021.2.35704.

16. Filimonov D. A., Gaganova E. V., Kirka A. V. Formirovanie rossijskoj nacional'noj identichnosti pri realizacii molodezhnoj politiki [Formation of the Russian national and state identity in the process of implementating youth policy]. Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Issues of National and Federative Relations], 2021, Vol. 11, no. 5 (74), pp. 1556–1563. DOI: 10.35775/PSI.2021.74.5.019.

Информация об авторах

Инна Владимировна Захарова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социальной работы, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, 432071, пл. Ленина, 4/5, г. Ульяновск, Российская Федерация, inna73reg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5194-9142>

Дмитрий Олегович Селезнёв, начальник отдела по молодёжной политике и спорту Администрации муниципального образования «Майнский район» Ульяновской области, 433130, ул. Почтовая, 26, р. п. Майна, Ульяновская область, Российская Федерация, serios@bk.ru

Information about Authors

Inna V. Zakharova, Candidate of Sciences (Education), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Social Work, Ulyanovsk State University of Education, Lenin Square, 4/5, 432071, Ulyanovsk, Russian Federation, inna73reg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5194-9142>.

Dmitry O. Seleznev, Head of the Department for Youth Policy and Sports of the Administration of the municipality «Mainsky district» of the Ulyanovsk region, 433130, Pochtovaya str., 26, settlement Maina, Ulyanovsk region, Russian Federation, serios@bk.ru.

Для цитирования: Захарова И. В., Селезнёв Д. О. Цели и принципы региональной молодежной политики // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 14–24. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N3.pdf

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

PARADIGMS OF MANAGEMENT HISTORY

УДК 323; 352; 353; 354

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ С 1918 ДО НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ

Александр Николаевич Фомин
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье исследуется советская система публичной власти с 1918 до 1930-х годов. Основная цель работы – раскрыть экономические и политические отношения советского общества, детерминирующие функционирование и трансформацию советской системы управления в ее первое десятилетие.

Методы. В ходе работы над статьей использовались методы структурного, исторического и сравнительного анализа элементов системы публичной власти и управления, действующей в советской России с 1918 по начало 1930-х годов. Исследование осуществлялось от общего к частному, после чего посредством синтеза формировалось целостное представление об изучаемом явлении.

Анализ. Рассмотрена модель организации органов публичной власти в начальный период развития советский государственности с 1918 по начало 1930-х годов. Дана характеристика политических особенностей рассматриваемого периода, раскрыт порядок формирования центральных, региональных и местных органов публичной власти, представлено схематическое изображение указанной модели, позволяющее наглядно проследить линии взаимосвязей между органами публичной власти, особенности их формирования и взаимодействия.

Результаты. В результате проведенного исследования сформулированы основные черты, действующей в тот период модели политического и государственного устройства; рассмотрен порядок формирования центральных, региональных и местных органов публичной власти в советской России; представлено схематическое изображение порядка формирования и взаимодействия указанных органов публичной власти; даны предложения о целесообразности использования политического и управленческого опыта в период становления советского государства в формировании и работе современных органов публичной власти и управления.

Ключевые слова: система публичной власти, государственное управление, местное самоуправление.

UDC 323; 352; 353; 354

ESTABLISHMENT OF PUBLIC POWER IN THE SOVIET UNION FROM 1918 TO THE EARLY 1930S

Alexandr N. Fomin

Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the Soviet system of public authority from 1918 to the 1930s. The main goal of the work is to reveal the economic and political relations of the Soviet society, which determine the functioning and transformation of the Soviet system of governance in its first decade.

Methods. In the course of work on the article, methods of structural, historical and comparative analysis of the elements of the system of public authority and administration, operating in Soviet Russia from 1918 to the early 1930s, were used. The study was carried out from the general to the particular, after which a holistic view of the phenomenon under study was formed through synthesis.

Analysis. The article considers the model of organization of public authorities in the initial period of development of the Soviet statehood from 1918 to the early 1930s. The characteristic of the political features of the period under review is given, the procedure for the formation of central, regional and local public authorities is disclosed, a schematic representation of this model is presented, which makes it possible to visually trace the lines of relationships between public authorities, the features of their formation and interaction.

Results. As a result of the study, the main features of the model of political and state structure that were in force at that time were formulated; considered the procedure for the formation of central, regional and local public authorities in Soviet Russia; a schematic representation of the procedure for the formation and interaction of these public authorities is presented; proposals are given on the expediency of using political and managerial experience during the formation of the Soviet state in the formation and work of modern public authorities and administration.

Keywords: system of public authority, public administration, local self-government.

Введение. Современная модель публичной власти и управления в России начала складываться в постсоветский период развития нашей государственности на рубеже 80-х – 90-х годов XX в., но, как справедливо отмечал один из классиков российского государственоведения, В. И. Фадеев, этот процесс «имел в своей основе организационную структуру, сложившуюся в нашей стране за более чем 70-ти летний период ее развития после 1917 года» [10, с. 65].

В последние годы в средствах массовой информации, на различных дискуссионных площадках, а также в научных публикациях

все чаще звучат призывы к более глубокому и непредвзятому изучению советского опыта в экономической, социальной, культурной и других сферах, в том числе и в сфере публичного управления. Вместе с тем этапы развития советской государственности на протяжении более чем 70-летней истории далеко неоднородны, а в некоторых аспектах прямо противоположны предшествующей практике.

Советская система управления на территории современной Российской Федерации начала формироваться на основе Конституции РСФСР 1918 г., Конституции СССР

1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. но обрела свою устойчивость и характерные признаки лишь в начале 1930-х годов, которые были закреплены сначала в Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г., а затем в Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. В базовых чертах эта система действовала до конца 1980-х годов и начала кардинально меняться после политических решений, принятых на XIX Всесоюзной партийной конференции, прошедшей в 1988 году.

Поэтому, говоря о целесообразности внедрения советского опыта, необходимо понимать опыт какого конкретно исторического этапа имеется в виду – революционные преобразования первых лет советской власти; модель государственного устройства, сформированная И. В. Сталиным; практика эпохи «развитого социализма» или реформы периода «перестройки»?

В данной статье предпринимается попытка установить причинно-следственные взаимосвязи становления и трансформации форм советской системы власти. Важно понять логику политического процесса того периода и экономического развития общества, которые обуславливают формирование центральных, региональных и местных органов публичной власти. Для наглядности представлено схематическое изображение советских органов власти того периода, что позволяет лучше понять закономерности формирования и функционирования органов управления современной России.

Для удобства восприятия информации и корректного сравнения исследуемой и со-

временной моделей публичной власти к региональным органам отнесены органы публичной власти на уровне губерний, к местным органам власти – на уровне уездов, волостей, а также городов и селений, формируемые согласно Конституции РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г.

Методы. Для достижения поставленной цели использовались методы структурного анализа, для раскрытия особенностей органов власти центрального, регионального и местного уровней использовался сравнительный метод. Поскольку в работе обозначены исторические границы исследования то, соответственно, применялся метод исторического анализа. Имеет место и подход от общего к частному, что позволяет посредством синтеза сформировать целостное представление о раннем периоде советской системы власти.

Анализ (Основная часть)

Политические особенности рассматриваемого периода

В первые годы становления советского государства система центральных и местных органов публичной власти – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹ создавалась в довольно хаотичном порядке.

После низложения Временного правительства, отражавшего интересы крупных промышленников (буржуазии), вооруженными отрядами партии большевиков² во главе с В. И. Лениным в ходе революционных событий октября 1917 года, начал действовать принцип местной автономии, согласно которому Советы не признавали никакого вмешательства со стороны Центра. Стали по-

¹ Их прообразом считается Совет Парижской Коммуны – революционный орган власти, сформированный социалистами в столице Франции в 1871 году во время политического кризиса.

² С 1903 г. по март 1918 г. – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики) или

РСДРП(б); с марта 1918 г. – Российская коммунистическая партия (большевики) или РКП(б); с декабря 1925 г. – Всесоюзная коммунистическая партия (большевики) или ВКП(б); с октября 1952 г. – Коммунистическая партия Советского Союза или КПСС.

являться областные, губернские и даже уездные республики во главе с собственными Советами народных комиссаров [5, с. 76].

С началом гражданской войны политическая ситуация в стране изменилась и советское руководство в рамках политики «военного коммунизма» взяло курс на централизацию управления, отмену самостоятельности местных органов власти – «железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата ... таков общий и итоговый лозунг момента» – писал в апреле 1918 г. В. И. Ленин [3, с. 257]. Но уже через три года, в марте 1921-го, было объявлено о переходе к «новой экономической политике», связанной в том числе с децентрализацией власти и управления, активизацией работы местных Советов и расширением их полномочий. Как известно, в конце 1920-х годов недолгий период НЭПа завершился и началась постройка жесткой государственной вертикали. Причины двойной смены форм государственного управления с децентрализованных на централизованные подробно изложены в работе А. И. Бардакова «Муниципальное управление: теория, история, практика» [2, с. 69–85].

Таким образом, до начала 1930-х годов единой модели организации публичной власти в советской России еще не сложилось, в разных частях страны и в разные годы этого периода имелись свои особенности в порядке формирования властных органов, объеме их полномочий и т.п. аспектах. Характерные черты, действующей тогда модели политического и государственного устройства, заключались в следующем.

1. На основе теории марксизма-ленинизма сформирована принципиально новая система центральных и местных органов власти. Теоретическим фундаментом советской системы управления были работы классиков марксизма-ленинизма. Подвергая кри-

тике прежний «царистский» государственный аппарат за то, что он осуществлял надзор за органами земского и городского самоуправления и не давал последним самостоятельно решать местные вопросы, В. И. Ленин предложил новую систему центральных и местных органов власти, главным звеном которой являлись Советы. Г. В. Барабашев отмечает, что в мае 1917 года В. И. Ленин обратился к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов со следующим воззванием – «Мы хотим такой республики, чтобы вся власть в государстве, снизу доверху, принадлежала всецело и исключительно Советам рабочих, солдатских, крестьянских и прочих депутатов» [1, с. 23]. Причем Советы депутатов напрямую избирались населением исключительно на местном уровне – городах и селениях, в более крупных административно-территориальных образованиях – волостях, уездах, округах, губерниях, областях, краях действовали съезды Советов, состоящие из делегатов, направляемыми нижестоящими Советами [6, ст. 53, 57]. Предполагалось, что только на местном уровне досконально известны все проблемы, характерные для данной местности, следовательно, Советы должны обладать объемом полномочий, достаточным для решения всех дел, непосредственно влияющих на условия и качество жизни населения соответствующей территории. Практика реализации марксистско-ленинской теории началась под революционными лозунгами – «Вся власть на места!», «Вся власть Советам!».

2. Принцип взаимодействия вышестоящих и нижестоящих органов советской власти. Конституция РСФСР 1918 г. подтвердила полномочия местных Советов, определив, что последние имеют предметом своей деятельности принятие всех мер и разрешение всех вопросов, имеющих местное для

данной территории значение, включая объединение всей советской деятельности в пределах данной территории [6, ст. 61 пункты «б», «в», «г»]. И хотя в основу первой российской Конституции был положен принцип единства Советов, как единой системы органов государственной власти, а местным Советам вменялось проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов Советской власти [6, ст. 61 пункт «а»], в теории считалось, что вышестоящие Советы при выработке государственных решений непременно должны учитывать позицию местных органов советской власти, а последним должны предоставляться возможности для донесения своей точки зрения – «...каждый нижестоящий Совет, выражая волю и интересы трудящихся на подведомственной ему территории, в различных формах участвует в формировании мнений и решений вышестоящих Советов» [1, с. 22].

3. *Особенности избирательной системы при выборах в Советы.* Приоритет нижестоящих Советов в системе властных органов подкреплялся используемой на данном этапе своеобразной избирательной системой. Как уже было сказано выше, Советы избирались прямым голосованием только на самом низовом по отношению к населению уровню – в городах и селениях, причем депутаты избирались преимущественно от трудовых коллективов. На всех вышестоящих уровнях – волостном, уездном, окружном, губернском и других – действовали съезды Советов, делегаты которых направлялись от нижестоящих Советов, т.е. имели место многоступенчатые выборы. Подобная система основана на социальной однородности избирателей и избираемых, она позволяет гражданам лично знать своих кандидатов и благоприятна для применения процедуры их отзыва в случае неудовлетворительных результатов работы.

4. *Количественный состав и оплата труда депутатов за работу в Советах.* Примечателен количественный состав местных Советов, предусмотренный Конституцией 1918 г. – если в деревнях, аулах, хуторах и прочих селениях он должен был составлять «не менее 3 и не более 50 депутатов на каждое селение», то в городах допускалось от 50 до 1000 (!) членов Горсовета, из расчета 1 депутат на каждую 1000 человек населения [6, ст. 57]. Совет должен был созываться не реже 1 раза в неделю в городах и не реже 2-х раз в неделю в селениях [6, ст. 59]. Рядовые депутаты участвовали в работе Совета, как правило, на общественных началах и не освобождались от основного места работы. Исключительным правом возмещения выпадающих доходов могли воспользоваться члены Советов в ситуации, когда время, затрачиваемое ими на исполнение депутатских обязанностей, совпадает с их рабочим временем, а также члены городского совета, не живущие на служебный заработок (кустари, домашние хозяйки и т.п.). Данные категории лиц получали оплату в порядке, установленном соответствующим Президиумом городского Совета [9, пункт 70].

5. *Участие в государственном управлении посредством избрания депутатом Совета.* Срок депутатских полномочий и в сельских, и в городских Советах составлял 1 год [8, пункт 16; 9, пункт 7], после чего происходили новые выборы, кроме того, депутаты избирались в состав исполнительных комитетов и занимали там руководящие посты. Такой порядок должен был демонстрировать подлинное народовластие, т.к. поучаствовать в государственном управлении, в порядке очереди, могли практически все граждане, за исключением категорий лиц, лишенных избирательных прав из-за своего социального ста-

туса, например, лиц, прибегающих к наемному труду, живущих на нетрудовые доходы и т.д. [6, ст. 56; 7, ст. 69].

б. Особенность применения принципа разделения властей по «горизонтали» и «вертикали» в советской системе управления. В теории марксизма-ленинизма Советы являлись представительными органами «нового типа», сочетающие в своей деятельности и принятие законов, и их исполнение, и контроль за их реализацией. Для выполнения исполнительно-распорядительной функции Совет формировал собственный аппарат – исполнительный комитет, подотчетный и подконтрольный избравшему его Совету, а также исполкому вышестоящего Совета. Соответственно, в советской системе управления отсутствовал принцип разделения законодательной и исполнительной ветвей власти или разделение власти «по горизонтали», принятый в западных (буржуазных) демократиях. Это обстоятельство, по мнению В. И. Фадеева, трактовалось как «единственно возможное решение проблемы взаимоотношений центра и мест» [10, с. 12] и обеспечивающее приоритет представительных органов над исполнительными, предохраняющее от «поглощения» выборной власти бюрократическим аппаратом, что свойственно для буржуазных государств [1, с. 23].

Еще одной особенностью формируемой советской системы публичной власти и управления, наряду с неприятием принципа разделения властей «по горизонтали», являлось отсутствие принципа разделения властей «по вертикали», т.е. разделения в зависимости от уровня или масштаба территории, в границах которой действует орган власти, например, общесоюзный, общероссийский уровень власти, а также региональные и местные уровни. Органы власти всех указанных территориальных образований относились исключительно к государственной власти.

Термины «регион», «региональные власти» или «субъект федерации», также как «муниципалитет», «муниципальное образование» или «местное самоуправление» ни в одном законодательном акте не употреблялись.

7. Политический состав Советов, распространение влияния внеконституционных органов с «особыми полномочиями». Несмотря на то, что В. И. Ленин никогда не скрывал, что только политическая партия рабочего класса в состоянии «...руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т.е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами» [Цит. по 1, с. 25], первоначально в Советы могли избираться представители и других социалистических партий (например, левые эсеры, меньшевики). Ни в Конституции РСФСР 1918 г., ни в Конституции СССР 1924 г. не содержалось положений о руководящей роли коммунистической партии по отношению к государственным органам, в связи с чем, с относительной условностью можно говорить об определенном политическом плюрализме, присутствовавшем в Советах того времени.

Вместе с тем советским руководством, в целях сохранения и удержания власти в условиях социально-экономического кризиса и политического противостояния с антибольшевистскими силами, все больше приходилось опираться на специально создаваемые чрезвычайные органы с особыми полномочиями, не предусмотренные Конституцией страны. Так, с декабря 1917 г. по февраль 1922 г. действовала Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров РСФСР (ВЧК) и ее территориальные подразделения в губерниях, уездах и городах.

30 ноября 1918 г. по инициативе Центрального комитета РКП(б), как чрезвычайный неконституционный государственный

орган был создан Совет рабочей и крестьянской обороны, имевший право направлять на места своих уполномоченных с особыми правами. Районам, которым угрожала военная опасность или контрреволюционные мятежи Совет обороны мог создавать революционные комитеты (Ревкомы), которые сосредотачивали в своих руках всю полноту гражданской и военной власти.

В целях наблюдения за деятельностью должностных лиц и отбора благонадежных кандидатов в местные Советы создавались специальные органы революционного контроля – на предприятиях это фабзавкомы (фабрично-заводские комитеты), а в сельской местности – комбеды (комитеты бедноты). Они состояли преимущественно из большевиков, но теоретически в них могли участвовать и представители других партий, не относящиеся к эксплуататорским классам.

Указанные выше органы нередко обладали полномочиями, превышающими полномочия официальных органов власти, что с одной стороны помогало оперативно решать вопросы, связанные с обороной и безопасностью, но с другой стороны создавало обстановку многовластия, затрудняло принятие решений в социально-экономических сферах. В такой ситуации высшим арбитром все чаще становились структуры коммунистической партии.

После завершения гражданской войны происходит значительное сокращение чрезвычайных органов и сужение их полномочий. В феврале 1922 года была упразднена ВЧК, ее функции переданы Государственному политическому управлению (ГПУ) при Наркомате внутренних дел. Также упразднились, реорганизовывались и другие чрезвычайные органы.

Порядок формирования публичных органов власти в первые годы советской власти

Центральные органы власти

Высший (верховный) орган государственной власти Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР) – Всероссийский съезд Советов, формировался из представителей городских Советов по расчету 1 депутат на 25000 избирателей и представителей губернских (областных, окружных) съездов Советов по расчету 1 депутат на 125000 жителей [7, ст. 20].

Всероссийский съезд Советов созывался 1–2 раза в год. Во время съезда избирался Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК), который в период между съездами обладал высшей государственной властью, являясь при этом высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР. ВЦИК ответствен перед Всероссийским Съездом Советов, которому представляет отчет о своей деятельности и доклад по общей политике и по отдельным вопросам.

В период между сессиями ВЦИК, высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом власти являлся избираемый им Президиум ВЦИК, который, в свою очередь, созывал ВЦИК на сессии.

ВЦИК формировал высший исполнительный орган власти – Совет Народных Комиссаров (СНК), осуществляющий общее управление делами Республики, который строился по отраслевому принципу. Работу отдельных отраслей хозяйства и социальной сферы организовывали структурные подразделения СНК – народные комиссариаты (наркоматы). Конституция РСФСР 1918 года предусматривала образование 18 народных комиссариатов [6, ст. 43]. Согласно Конституции РСФСР 1925 года должно быть создано

11 народных комиссариатов³, из них пять, имеющих статус союзно-республиканских наркоматов, действующих одновременно и в масштабах СССР, и в каждой союзной Республике: высший совет народного хозяйства, внутренней торговли, труда, финансов, рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) и шесть наркоматов, имеющих исключительно республиканский статус, управляющие порученной им отраслью в пределах союзной республики, не имея общесоюзного центра: внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохра-

нения, земледелия и социального обеспечения. Все Наркоматы возглавлялись народными комиссарами и образуемыми при них коллегиями. При чем члены коллегии в случае несогласия с тем или иным решением народного комиссара могли обжаловать его решение в СНК или в Президиуме ВЦИК [7, ст. 37–40].

Схематическое изображение порядка формирования центральных органов власти и их взаимодействие с региональными и местными органами представлено на рисунке 1.1.

Рис. 1.1.

³ В связи с образованием СССР 30 декабря 1922 г. шесть наркоматов получили общесоюзный статус и были исключены из ведения союзных республик,

кроме этого, один наркомат (Государственного контроля) был реорганизован.

Региональные органы власти

Высшими органами власти в пределах краев, областей, губерний, округов – являлись соответствующие съезды Советов, в деятельности которых принимали участие представители всех Советов, находящихся на территории данной административной единицы [7, ст. 49, 50].

Съезды Советов подразделялись на очередные и внеочередные. Очередные съезды Советов созывались один раз в год; внеочередные съезды советов созывались:

а) по предложению вышестоящих съездов Советов или их исполнительных комитетов;

б) соответствующими исполнительными органами Советской власти (исполнительными комитетами).

Губернские съезды Советов формировались из представителей Советов депутатов губернских городов (т.е. городов, не входящих в состав уездов), уездных съездов Советов, а также фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений (т.е. предприятий губернского значения), из расчета: по одному делегату от советов городов – на 2 тыс. избирателей и от уездных съездов – на 10 тыс. человек населения [7, ст. 51, пункт «в»].

Губернские съезды Советов избирали свои исполнительные органы – исполнительные комитеты, число членов которых определялось постановлениями ВЦИК или его Президиума.

Исполнительные комитеты в период между съездами являлись высшими органами Советской власти на территории губерний, ответственными перед избравшими их съездами, и подчинялись ВЦИК и СНК РСФСР. Для руководства всей текущей работой по управлению соответствующей территории и проведению в жизнь постановлений и декретов центральной власти исполнительные комитеты избирали Президиумы, число членов

которых определялось постановлениями ВЦИК или его Президиума.

Согласно Конституции РСФСР 1918 года к предметам ведения губернских органов советской власти относилось решение четырех задач [6, ст. 61], Конституцией РСФСР 1925 года эти задачи возросли до семи:

1) принятие мер к поднятию территории в культурном и хозяйственном отношении;

2) составление и утверждение местных бюджетов;

3) проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов Советской власти;

4) разрешение вопросов, имеющих местное для данной территории значение;

5) объединение советской деятельности в пределах данной территории;

6) обеспечение в пределах территории революционной законности и охраны государственного порядка и общественной безопасности;

7) обсуждение вопросов общегосударственного значения, в том числе по предложению вышестоящих исполнительных комитетов [7, ст. 64].

Схематическое изображение порядка формирования региональных органов власти и их взаимодействие с центральными и местными органами представлено на рисунке 1.2.

Местные органы власти – уездные и волостные съезды Советов

Выше уже говорилось об особенности формируемой советской модели публичной власти, заключающейся в отсутствии института местного самоуправления в качестве самостоятельной подсистемы, включая отсутствие самого термина в советском законодательстве.

Аналогами органов местного самоуправления в советской модели публичной власти в пределах уездов, районов и волостей

являлись соответствующие съезды Советов, в пределах городов и селений – городские и сельские Советы депутатов.

Съезды советов на местном уровне формировались по такому же принципу, как и на региональном:

а) уездные – из представителей Советов уездных и заштатных (безуездных) городов и сельских Советов, а также фабрик и заводов, расположенных на территории уезда, из расчета: по одному делегату от советов городов – на 200 избирателей и от волостных съездов Советов – на 1000 человек населения, но не свыше 300 делегатов на уезд;

б) районные и волостные – из представителей всех Советов депутатов, находящихся на территории района или волости, из расчета: один делегат на 300 человек населения, но не свыше 150 делегатов на район или волость [7, ст. 51, пункты «г», «д»].

Съезды Советов избирали свои исполнительные органы – исполнительные комитеты, число членов которых для съездов Советов каждой административной территориальной единицы определялось постановлениями ВЦИК или его Президиума.

Съезды Советов и их исполнительные комитеты осуществляли контроль над деятельностью нижестоящих съездов Советов и их исполнительных органов.

Согласно Конституции РСФСР, в редакции 1918 и 1925 годов предметы ведения уездных и волостных съездов Советов, а также городских и сельских Советов депутатов полностью совпадали с предметами ведения губернских органов советской власти [6, ст. 61; 7, ст. 64]. В отношении волостных съездов Советов, городских и сельских Советов депутатов подобное совпадение вызывает неоднозначную реакцию, так как на уровне губернии решаются государственные задачи,

а на волостном уровне и тем более в небольших городах и селениях доминируют вопросы местного значения.

Тождественность предметов ведения на губернском и уездном (районном) уровнях демонстрирует релевантное восприятие сущности решаемых задач губернскими и уездными (районными) органами публичной власти, выражающееся в том, что уездные (районные) органы точно также как губернские органы решают преимущественно государственные задачи. Соответственно совпадение предметов ведения губернских и уездных органов советской власти оправданно и закономерно.

Местные органы власти – городские и сельские Советы депутатов

Являясь ключевыми органами в системе публичной власти, наделенными полномочиями по решению вопросов и государственного, и местного значения Советы депутатов занимались решением широкого круга задач в сферах земельно-коммунального хозяйства, народного здоровья, социального обеспечения, хозяйственно-экономической, промышленной, культурно-просветительной деятельности, по обеспечению в пределах города (поселка) революционной законности, охраны государственного порядка и общественной безопасности; в финансовой, налоговой, военной сферах, в области судопроизводства, межнациональных отношений и других [8, ст. 7–13; 9, ст. 22–34].

Обладание органами местной власти значительными полномочиями по организации жизненно важных вопросов, (например, связанных с организацией систем жизнеобеспечения населения, в том числе борьбой с преступностью, пожарной охраной и др.), сопряжено с повышенными рисками неисполнения ими своих обязательств перед населением вследствие ряда объективных и субъективных причин. Основными из них являются недостаточная финансовая, материальная

база, компетентность сотрудников и тому подобные факторы, которые часто присущи органам местной власти по сравнению с более оснащенными ресурсами государственными структурами. Указанные риски многократно возрастают в случае законодательного разделения предметов ведения и полномочий по жизненно важным вопросам между муниципальными и государственными органами власти, что характерно для современной России.

Согласно представленной модели публичной власти подобные риски нивелировались отсутствием разделения полномочий между местными и государственными органами. Как было сказано выше, в соответствии с Конституции РСФСР в редакциях и 1918 и 1925 годов предметы ведения Советов депутатов на сельском, городском и уездном уровнях (муниципальных органов власти в современном понимании) полностью совпадали с предметами ведения губернских (т.е. государственных) органов советской власти. Кроме этого, местные Советы несли ответственность перед вышестоящими съездами Советов и их исполнительными комитетами, а также перед Президиумом ВЦИК, которые могли отменить постановления нижестоящих Советов [9, ст. 15].

Необходимо отметить, что при решении определенных вопросов, имеющих жизненно важное, а следовательно государственное значение, местные органы безусловно должны быть включены в единую систему публичной власти, особенно по линии исполнительных органов, но в вопросах местного значения участие государства может принести больше вреда, чем пользы, так как народная инициатива, востребованная при решении местных вопросов, в случае чрезмерного вмешательства государства заменятся административно-бюрократическими методами.

Порядок избрания городских и сельских Советов депутатов

Советы депутатов избирались населением городских и сельских населенных пунктов, преимущественно по производственному принципу – трудовыми коллективами предприятий и учреждений:

а) в городах – из расчета один депутат на каждые 1 тыс. человек населения, но числом не менее 50 и не более 1 тыс. членов; в городах с населением менее 10 тыс. человек – из расчета один депутат на каждые 100 человек населения;

б) в селениях (деревнях, селах, станицах, местечках, аулах, хуторах и т.п.) – из расчета один депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждый сельский совет [7, ст. 59]. В заседаниях сельских Советов могли участвовать с правом совещательного голоса сельские должностные лица (врачи, агрономы, учителя, землеустроители, сельские исполнители и т.п.).

Одновременно с выборами членов городского Совета избирались кандидаты к ним в количестве одной трети всего состава, для замены выбывающих депутатов из состава Совета.

В городах с населением более 50 тыс. человек по постановлению городского Совета, одобренному губернским исполнительным комитетом, могли быть образованы внутригородские районные Советы, объединяющие отдельные части города. Такие советы действовали на основании особых инструкций, издаваемых Президиумом ВЦИК. Одно и то же лицо могло быть избрано, и в городской, и в районный Совет.

Для ведения работы городского Совета и управления городским хозяйством городской Совет избирал из своего состава Председателя и Президиум в числе не более 11 человек [9, ст. 16].

Пленум городского Совета созывался на очередные заседания не реже одного раза в месяц. Информация о месте и времени проведения заседаний и повестке дня публиковалась для всеобщего сведения не менее, чем за три дня. Пленумы совета устраивались по возможности ближе к месту нахождения населения (трудящихся) – на фабриках, заводах, в помещениях профессиональных союзов и т.д.

Для текущей работы Советы депутатов избирали из своей среды исполнительный орган. При сельском Совете исполнительный комитет мог быть образован только в крупных поселениях и с разрешения губернского исполнительного комитета.

Внеочередные заседания Совета созывались исполнительным комитетом или председателем Совета как по собственному волеизъявлению, так и по требованию не менее половины членов Совета.

Как уже было сказано выше, на предприятиях кандидатуры членов Советов подбирались и проверялись фабзавкомками, а в сельской местности – комбедами.

В своей деятельности депутаты должны руководствоваться общегосударственными интересами, учитывать запросы населения, добиваться воплощения в жизнь наказов избирателей. Они также обязаны отчитываться о своей работе перед трудовыми коллективами и общественными организациями, выдвинувшими их кандидатами в депутаты и могли быть отозваны по решению большинства избирателей округа.

Период времени, продлившийся от завершения гражданской войны до обретения коммунистической партией политической монополии на осуществление власти в конце 1920-х – начале 1930-х годов, можно считать временем, при котором большинство обязательств выборных должностных лиц действительно реализовывалось на практике.

Схематическое изображение порядка формирования местных органов власти и их взаимодействие с центральными и региональными органами представлено на рисунке 1.2.

Заключение. Таким образом, теоретическое конструирование новой системы органов центральной и местной власти и ее практическое воплощение в первые годы существования советской России, а затем и СССР, предполагало весьма привлекательный образ будущего государственного устройства, основанного на деятельности выборных Советов. Однако, довольно быстро под влиянием объективной реальности, выражающейся в традиционном укладе жизни большинства населения, социально-экономической стагнации и политической целесообразности, связанной с удержанием и укреплением власти, советское руководство отказалось от использования первоначальных установок на предоставление широкой автономии местным органам власти, и взяло курс на построение централизованного государства.

Политический центр принятия стратегических решений в тот период сконцентрирован в представительной ветви власти, оформленной в систему Советов, условная исполнительная ветвь власти в лице исполкомов была подотчетна и подконтрольна соответствующим советским органам.

Сложившаяся система имела радикальный полицентричный характер и была крайне разбалансирована, т.к. состояла из представителей разнородных социальных групп, дифференцированных в зависимости от принадлежности к определенному политическому течению (большевики, меньшевики, левые эсеры, анархисты и др.), в зависимости от политического лидера («ленинская гвардия», «троцкисты», сторонники Сталина и др.), в зависимости от вида профессиональ-

ной, трудовой деятельности, от принадлежности к определенной национальности и по другим основаниям. В результате такой полицентричности было проблематично, а порой и невозможно приходить к общему знаменателю при принятии управленческих решений, т.к. устойчивость политической системы является необходимым условием эффективности государственного управления.

Для устранения указанного дисбаланса в работе органов советской власти, руководством страны использовались жесткие методы политической борьбы – выборные и назначаемые должности в Советах и исполкомах получали исключительно коммунисты-большевики, члены других политических партий в советские органы власти не допускались. Подобные действия не соответствовали демократическим принципам, но в период кризиса с их помощью удалось добиться необходимой политической консолидации в сжатые сроки.

Обретение политического единства на всех уровнях власти позволило советскому государству завершить гражданскую войну и настроить государственный аппарат на организацию работы по восстановлению разрушенного народно-хозяйственного комплекса. Одновременно с этим возрастало влияние РКП(б) и ее идеологии на все сферы общественной жизни страны. С конца 1920-х годов деятельность органов власти, а также хозяйствующих субъектов, учреждений культуры, образования и других стала подвергаться избыточной политизации, начался переход к следующему этапу государственного строительства в СССР, основанному на сверхцентрализации власти и управления.

Что касается целесообразности использования опыта формирования и работы органов власти в период становления советского государства, то такие характерные особенности, как отсутствие принципа разделения властей; широкая политическая автономия регионов от центральной власти на первоначальном этапе исследуемого периода; наделение местных органов (волостных съездов Советов, городских и сельских Советов) не свойственными им государственными полномочиями, вследствие чего они концентрировались на решении государственных вопросов в ущерб местным интересам; чрезмерно многочисленный состав выборных органов – представляются излишними для внедрения в современную систему публичной власти и управления.

Другие отличительные черты данного периода, заключающиеся в понимании приоритета государственных задач, решаемых на губернском и уездном (районном) уровнях; применении смешанной избирательной системы (прямые и многоступенчатые выборы); в попытке реализовать на практике принцип субсидиарности, согласно которому максимально возможный объем полномочий возлагается на уровень власти наиболее приближенный к населению; в стремлении не допустить «поглощения выборной власти бюрократическим аппаратом» – представляют интерес для изучения и использования в той или иной мере в современном политическом процессе, в формировании и работе органов публичной власти современной России.

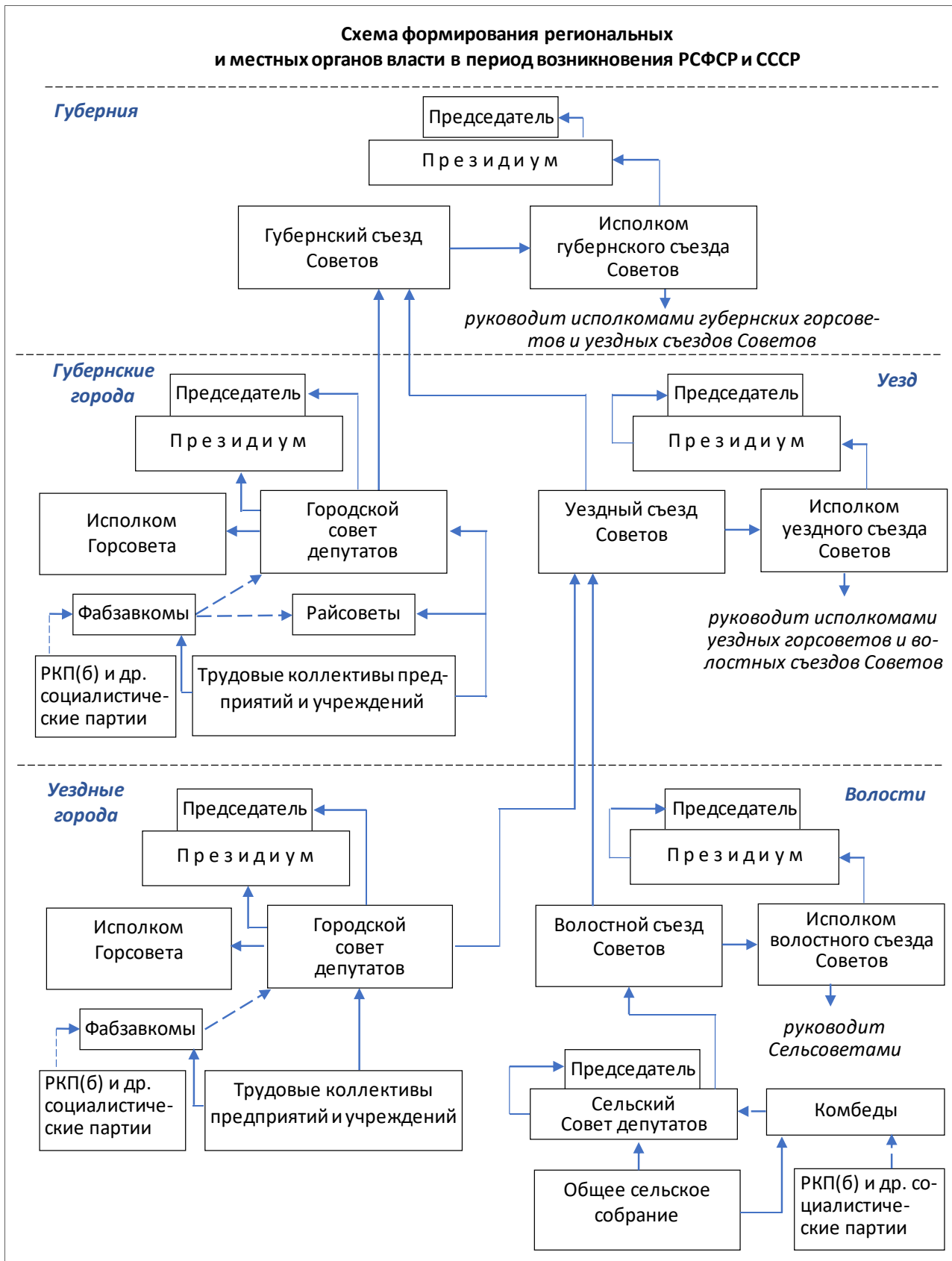

Рис. 1.2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барабашев Г. В. Основы советского строительства. М.: «Знание», 1976. 190 с.
2. Бардаков А. И. Муниципальное управление: теория, история, практика. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. 172 с.
3. Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв.: Справочник/ под общ. ред. А. С. Тургаева. СПб.: Издательство СЗАГС, 2000. 368 с.
4. Говоренкова Т. М. И возвращается ветер на круги своя... Идейные дискуссии о местном самоуправлении в России и их итоги // Муниципальная власть. 2004. № 4. С. 94–102.
5. Кутафин О. Е. Муниципальное право Российской Федерации / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев: учеб. 3-е изд., перераб. и доп., М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. 672 с.
6. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.07.2023).
7. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 года «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.07.2023).
8. Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 «Об утверждении Положения о сельских Советах». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.07.2023).
9. Постановление ВЦИК от 24 октября 1925 года «Об утверждении Положения о городских советах». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.07.2023).
10. Фадеев В. И. Муниципальное право России. М.: «Юрист», 1994. 168 с.

REFERENCES

1. Barabashev G. V. Osnovy sovetskogo stroitel'stva. M.: «Znanie», 1976. 190 s.
2. Bardakov A. I. Municipal'noe upravlenie: teoriya, istoriya, praktika. Nauchnoe izdanie. Volgograd: Izd-vo FGOU VPO VAGS, 2007. 172 s.
3. Vysshie organy gosudarstvennoj vlasti i upravleniya Rossii. IX–XX vv.: Spravochnik/ pod obshh. red. A. S. Turgaeva. SPb.: Izdatel'stvo SZAGS, 2000. 368 s.
4. Govorenkova T. M. I vozvrashhaetsja veter na krugi svoja... Idejnye diskussii o mestnom samoupravlenii v Rossii i ih itogi // Municipal'naja vlast'. 2004. № 4. S. 94–102.
5. Kutafin O. E., Municipal'noe pravo Rossijskoj Federacii / O. E. Kutafin, V. I. Fadeev: ucheb. 3-e izd., pererab. i dop., – M.: TK Velbi, Izd-vo «Prospekt», 2008. 672 s.
6. Konstitucija (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinjata V Vserossijskim s#ezdom Sovetov 10.07.1918). URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija 28.07.2023).
7. Postanovlenie XII Vserossijskogo S#ezda Sovetov ot 11 maja 1925 goda «Ob utverzhdanii teksta Konstitucii (Osnovnogo Zakona) RSFSR». URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija 28.07.2023).
8. Postanovlenie VCIK ot 16 oktjabrja 1924 «Ob utverzhdanii Polozhenija o sel'skih Sovetah». URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija 28.07.2023).
9. Postanovlenie VCIK ot 24 oktjabrja 1925 goda «Ob utverzhdanii Polozhenija o gorodskih sovetah». URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija 28.07.2023).
10. Fadeev V. I. Municipal'noe pravo Rossii. M.: «Jurist», 1994. 168 s.

Информация об авторе

Александр Николаевич Фомин, кандидат политических наук, г. Волгоград, Российская Федерация, fomin76@mail.ru

Information about the Author

Alexandr N. Fomin, Candidate of Sciences (Politics), Volgograd, Russian Federation, fomin76@mail.ru

Для цитирования: Фомин А. Н. Становление советской системы публичной власти с 1918 до начала 1930-х годов // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 25–40.
URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N3.pdf

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 004.056:316.774(470)

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЦЕННОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Антон Иванович Лукаш

Волгоградский государственный технический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье раскрываются угрозы информационной сфере и ценностным установкам России, исходящие от коллективного Запада. Целью работы является систематизация основных угроз информационной, ценностной безопасности Российской Федерации и способов противостояния этим угрозам.

Методы. Исследовательский материал обрел целостность посредством сравнительного анализа конкретных социальных действий специализированных организаций Запада по нанесению вреда информационной сфере и ценностным основам России. Для решения исследовательских задач использовались методы структурного и исторического анализа. Важным фактором в решении поставленных задач были нормативно-правовые акты, позволяющие раскрыть последовательность и принципиальность российской позиции в обеспечении своей безопасности.

Анализ. Раскрыт механизм воздействия на общественное мнение различных социальных групп путем дезинформации потребителя знаний, сведений. Особое внимание уделено манипуляциям общественным сознанием молодежи и выработаны рекомендации по нивелированию этого процесса. Охарактеризована природа фейков, которые направлены на дискредитацию не только национальных ценностей, но и разрушение российского государства. В связи с этим предложены технологии противостояния фейкам.

Результаты. Выводы, сделанные в исследовании по обеспечению информационной и ценностной безопасности России, можно внедрять в современную социально-политическую практику. Механизм внедрения результатов исследования будет зависеть от общества, где есть потребность применения рекомендованных технологий, а также от субъектов и объектов этого социально-культурного процесса.

Ключевые слова: информация, ценности, безопасность, Россия, манипуляция, фейки, политика.

UDC 004.056:316.774(470)

CURRENT ISSUES OF ENSURING INFORMATION AND VALUE SECURITY IN RUSSIA

Anton I. Lukash

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article reveals threats to the information sphere and value systems of Russia emanating from the collective West. The purpose of the work is to systematize the main threats to the information and value security of the Russian Federation and ways to counter these threats.

Methods. The research material acquired integrity through a comparative analysis of specific social actions of specialized Western organizations to harm the information sphere and the value foundations of Russia. To solve research problems, methods of structural and historical analysis were used. An important factor in solving the assigned tasks were regulatory legal acts that made it possible to reveal the consistency and integrity of the Russian position in ensuring its security.

Analysis. The mechanism of influencing public opinion of various social groups through misinformation of the consumer of knowledge and information is revealed. Particular attention is paid to the manipulation of the public consciousness of young people and recommendations are developed to level out this process. The nature of fakes, which are aimed at discrediting not only national values, but also the destruction of the Russian state, is characterized. In this regard, technologies to counter fakes have been proposed.

Results. The conclusions drawn in the study on ensuring the information and value security of Russia can be implemented in modern socio-political practice. The mechanism for implementing the research results will depend on the society where there is a need to use the recommended technologies, as well as on the subjects and objects of this socio-cultural process.

Keywords: information, values, security, Russia, manipulation, fakes, politics.

Введение. После распада СССР Запад последовательно выстраивал однополярный миропорядок, основанный на гегемонии США. Подобная система позволяла Западу фактически реализовывать неокOLONIAльную политику в отношении незападных стран. С возвышением Китая, полноценным возвращением на международную арену России, подъемом новых экономических центров в Азии, Латинской Америке, Африке и появлением региональных объединений по типу БРИКС и ШОС, западная монополия на глобальное управление начала постепенно ослабевать, однако не исчезла.

Развитие России и защита своих национальных интересов воспринимается США как явная угроза. Хиллари Клинтон, будучи госсекретарем США заявляла: «Мы отмечаем некий сдвиг в сторону повторной советизации региона. Но, конечно, это не будет называться именно так. Это будет называться Таможенным союзом, называться Евразийским союзом или что-то в этом роде. Мы знаем, в чем заключается цель, и мы стараемся разработать эффективные способы того, как замедлить это или предотвратить это» [5].

В настоящее время коллективный Запад, опираясь на украинский неонацизм, осуществляет очередную попытку ликвидировать Россию – векового геополитического соперника, завладеть ее ресурсами, отменить русскую цивилизацию, уничтожить историческую память и систему ценностей (победа над Россией необходима Западу как ключ к мировому господству, колониальному порабощению народов мира через информационно-технологическое, финансовое и военное доминирование).

Один из фронтов гибридной агрессии против России – информационная война. Война – конфликт, где один политический субъект пытается силой изменить поведение другого субъекта, претендуя на его ресурсы (в самом широком понимании). Этот аспект неплохо раскрыт в исследовании Г. Почепцова, где автор уделяет большое внимание именно военному аспекту [8].

Методы. Исследовательским материалом были нормативно правовые акты и большой эмпирический перечень фейков, размещенных в социальных сетях. Анализ этого материала позволил выявить детали, механизмы воздействия фейков на общественное сознание, что значительно облегчает задачу противостояния коварству и лжи ангажированных политехнологов. Синтез выводов по отдельно разобранным материалам, направленным на разрушение российской информационной сферы и уничтожение отечественных ценностей, позволяет сделать практические рекомендации по противостоянию враждебных действий по отношению к России. Исторический подход к становлению, развитию российских ценностей и структурно-функциональный анализ мобилизации организационных и технических средств информационной сферы России позволяют выстраивать научную базу исследования.

Анализ. Для понимания информационной безопасности обратимся к толкованию слова «информация» в энциклопедических изданиях. «Информация (от лат. Information – разъяснение, изложение). Информация первоначально – сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным, письменным или каким-либо другим способом» [4]. В глоссарии по информационному обществу отмечается, что *informare* придавать вид, форму, обучать; мыслить, воображать» [3], то есть это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Информация – это не только сведения о реальности и основа общения, взаимопонимания и сотрудничества, но и инструмент формирования ценностей, контекста восприятия, утверждения стереотипов мышления и поведения.

Таким образом, информационную войну можно определить, как совокупность воздействий на сознание и подсознание (в т.ч. мировоззрение, образ мышления, волю, интеллект, эмоциональную сферу, память) военно-политического руководства, военнослужащих и гражданского населения как своей страны, так и страны-противника с целью достижения победы, то есть овладения ресурсами побежденного. Информация препарируется соответствующим образом, чтобы добиться у индивидуумов и групп (целевой аудитории) определенной (желанной субъекту воздействия) позиции и линии поведения по отношению к тем или иным событиям. Объектом боевого воздействия является не только содержание информации, но и инфраструктура, процессы ее доставки [1].

Отметим, что в июне 2018 года Киберкомандование ВС США было переведено в боевой статус и получило возможность проводить регулярные наступательные операции. Согласно новым принципам работы, американские военные хакеры имеют право

вести подрывную деятельность в компьютерных сетях других государств. Глава Киберкомандования ВС США генерал Пол Накасоне заявил, что Соединённые Штаты в настоящее время сосредоточены на подходе, согласно которому американские военные всегда должны предпринимать активные действия в киберпространстве и противодействовать противникам [9].

В медиа среде, подконтрольной Западу, распространяется ложь о социально-экономических проблемах, массовых протестах населения, репрессиях, неуверенности и нелояльности среди представителей власти и силовых органов. Конечная цель-мечта творцов лжи очевидна – социальный, а затем и политический взрыв изнутри России – цветная революция, направленная на перехват внешними силами управления политическими и экономическими процессами в нашей стране.

Президент России Владимир Путин в Послании Федеральному собранию 21 февраля 2023 года отметил: «Получается, что всё то время, когда пылал Донбасс, когда лилась кровь, когда Россия искренне – я хочу это подчеркнуть, – именно искренне стремилась к мирному решению, они играли на жизни людей, играли, по сути, как говорят в известных кругах, краплёными картами. ... Так же бесспорно, двулично они вели себя, разрушая Югославию, Ирак, Ливию, Сирию. От этого позора никогда им не отмыться. ... По оценкам самих американских экспертов, в результате войн ... которые развязали США после 2001 года, погибли почти 900 тысяч человек, более 38 миллионов стали беженцами. ... Мы твёрдо отстаиваем не только свои интересы, но и нашу позицию о том, что в современном мире не должно быть деления на так называемые цивилизованные страны и все остальные, что необходимо честное партнёрство, в принципе отрицающее любую исключительность, тем более агрессивную» [7].

Интернет среда стала полем борьбы за власть, где применяются технологии манипуляции общественным сознанием. Выполнение задач информационной войны обеспечивают профессиональные манипуляторы, владеющие знаниями в области социальной инженерии, когнитивной психологии, маркетинга.

В разделе «Информационная безопасность» указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определены, в частности, следующие угрозы: «Расширяется использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности, что представляет угрозу международному миру и безопасности. Активизируется деятельность специальных служб иностранных государств по проведению разведывательных и иных операций в российском информационном пространстве. Вооружённые силы таких государств отрабатывают действия по выведению из строя объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Анонимность, которая обеспечивается за счет использования информационно-коммуникационных технологий, облегчает совершение преступлений, расширяет возможности для легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, распространения наркотических средств и психотропных веществ» [10].

Внешние субъекты информационной войны: военно-политическое руководство и спецслужбы, включая центры специальных психологических операций стран НАТО и Украины, ангажированные неправительственные организации и медиа-структуры (западные СМИ и соцсети), олигархические

структуры, заинтересованные в доступе к ресурсам России. Внутренние субъекты информационной войны: враги власти, «обиженные» политики и общественники, лишенные социальных лифтов и благ, профессиональные манипуляторы общественным сознанием. Объектами манипулятивного воздействия являются руководство страны, вооруженные силы, государственно-политическая система, ЛОМы и СМИ, разоблачающие деятельность фейкоделов, правоохранительные органы.

С развитием мессенджеров, особенно телеграм-каналов (зачастую анонимных источников подачи информации без обратной связи) возникло опасное явление – широкое распространение фейков, (фальшивой, недостоверной информации) под видом фактов. Сила воздействия фейка заключается в трех базовых характеристиках – эмоциональной яркости, понятности и повторяемости из разных источников – именно это и определяет скорость и полноту захвата внимания и памяти жертвы.

Фейки обращены к страху и интересу – базовым мотиваторам, которые побуждают человека получить подтверждение или опровержение беспокоящей информации, устранить угрозы и реализовать возможности. Люди желают простого объяснения происходящего, хотят иметь «личные проверенные новости» и единомышленников, поддерживающих их картину мира – как следствие возникает эффект «цифрового гетто», когда каждый потребитель контента находится в плену собственных предпочтений, отправляя нежелательные источники «в бан» и легко готов воспринять соответствующий собственным стереотипам фейк, который освобождает от напряженного поиска решений. Этим же объясняется и скорость распространения фейков в социальных сетях – ведь подтверждение

значимости информации «единомышленниками» становится доказательством верности собственной позиции.

Таким образом фейки не только привлекают внимание, но и формируют у жертв потребность в дальнейшем распространении и защите, открывая неограниченные возможности для манипуляторов. Представители индустрии фейков основывают работу на закономерностях действия следующих когнитивных искажений – отклонений в обработке и анализе информации, обусловленных особенностями строения человеческого мозга, предубеждениями и стереотипами:

1) «авторитет роли» – восприятие жертвой анонимного мессенджера, телеграм-канала в качестве независимого и достоверного источника информации (люди, как правило, неспособны допустить, что есть специально обученные и мотивированные профессионалы, создающие фейки по принципу геббельсовской пропаганды – «чем чудовищнее ложь, тем она лучше усваивается»);

2) «эффект повального увлечения» – потребность жертвы верить информации, потому что уже много других людей так поступают (ввиду активности и слаженной работе в интернет-среде групп профессиональных распространителей фейков потребителям информации кажется, что «все говорят об этом», а «все не могут ошибаться»);

3) «каскад доступной информации» – усиление веры жертвы в информацию за счет нарастающего повторения в разных источниках;

4) «фильтрация» – жертва выборочно воспринимает только определенные аспекты реальности, навязанные манипуляторами;

5) «чрезмерное обобщение» – жертва приходит к общим выводам, основываясь только на «отфильтрованном» аспекте реальности;

б) «защита своего мнения» – жертва защищает сформированное манипулятором мнение, воспринимая его как свое личное, испытывая страдания и «праведный» гнев, если кто-то пытается доказать неверность его позиции.

Западная пресса практически во всех сюжетах, связанных с Россией, показывает только негатив, постоянно используя геббельсовские методы «промывки мозгов» – постоянное повторение заданных установок, невзирая на факты и аргументы: Россия – авторитарная страна, мечтающая о советском величии, США – оплот демократии, НАТО – миролюбивый союз, чуть ли не гуманитарной направленности.

Технологии используются, в частности, следующие:

- применение недостоверных данных или их интерпретации для «подтверждения фактов» злоупотреблений власти и формирования протестного общественного мнения в стране, дискредитации за рубежом;

- попытки психологического давления, травли в социальных сетях (и в реальной жизни) социально позитивных людей, общественников-ЛОМов, представителей власти;

- анонимное участие социальных технологов-провокаторов в социальных сетях, воздействующих на целевые аудитории (молодежные группы, родительские чаты, и т.д.);

- формирование токсичного информационного пространства, «социальное нытьё», разрушение самой возможности конструктивного диалога, накопление у пользователей энергии протеста.

Разоблачение фейков осложняется особенностями восприятия информации. Психологи хорошо знают, что при поступлении противоречивых сведений, которые невозможно или сложно проверить, человек предпочитает первую поступившую инфор-

мацию, и изменить в последующем такое мнение сложно. Сказанное эмоционально ярко и доступно для аудитории ложное «первое слово» воспринимается как убедительное и достоверное, становясь тиражируемой далее личной «истиной». На этом основаны известные высказывания – «Вы не рефлекслируйте (насчет достоверности), вы – распространяйте, пусть отбиваются (раз оправдываются, значит – виноваты)!» и «Чем чудовищнее ложь, тем сильнее в нее верят!». Фейкоделами используется, по сути приемы цифровых мошенников «на доверии» с банковскими картами.

Для распознавания необходимо понимание следующих основных признаков фейков:

- 1) отсутствие подтверждающих нарушение документов, аудио, фото, видео материалов, позволяющих определить время, место, участников и свидетелей нарушения;

- 2) непроверяемые участники, «свидетели» или «эксперты»;

- 3) несоответствие в репортаже фото или заголовка содержанию, вырванные из контекста фразы;

- 4) эмоциональная подача информации, тревожные или провокационные комментарии, сопровождающие фото или видео, на котором на самом деле ничего незаконного не происходит;

- 5) подмена факта субъективной оценкой, личным мнением, призывами;

- 6) взрывное распространение, одномоментная масса просмотров, поддерживающих комментариев и лайков;

- 7) эмоциональные обращения к немедленному распространению.

Практика показала эффективность в противодействии распространению фейков следующих методов и приемов, применяемых органами власти и представителями гражданского общества:

- продвижение сайтов и страниц в социальных сетях для информирования и прямого диалога по актуальным вопросам;

- мониторинг соцсетей и медиаресурсов с реакцией на сообщения в целях их дальнейшей проверки, опровержения (подтверждения и устранения), работа с комментариями и поддержка своих постов;

- распространение опровержений фейков и проверенного контента в информационном поле с выкладыванием в социальные сети максимума объективной информации о текущей ситуации в регионе под соответствующими хэштегами;

- общение экспертов с прессой с комментариями фейков и достоверными сообщениями о ситуации.

Цель информационной войны – демонтаж ценностной и культурной идентичности народа. Очевидный пример – атаки на историческую правду и память о Великой Отечественной войне и победы нашего народа в ней над нацизмом – мы видим в отдельных странах запреты проведения праздников Победы, ношения символики и наград Советского Союза, волну демонстраций и осквернений памятников советским воинам-освободителям и установку новых памятников нацистским преступникам и их пособникам. Основной «целевой аудиторией» ценностной перекодировки является молодое поколение. Метод обработки сознания, как показывает практика, прост – замена реальных фактов прямой ложью, вымышленными и сконструированными эмоционально нагруженными оценочными мифами. Угроза касается и российской молодежи – тем, кто через 10–15 лет станет главной политической силой общества, пытаются привить «комплекс вины» за свою историю. Опасность крайне серьезна, ведь молодость искренна, но ещё не имеет практического опыта, необходимого для критического восприятия информации. Сейчас решается, будут ли наши дети ощущать себя в новом мироустройстве потомками героев-победителей нацизма, либо потомками «убийц невинных

немецких (румынских, венгерских и так далее) солдат, случайно оказавшихся в мрачных снегах России».

Говоря о защите исторической памяти, целесообразно учитывать следующее:

- если раньше монополистом в формировании исторической памяти было государство, то сегодня среда стала конкурентной;

- если ранее основное внимание уделялось истории побед, то сегодня людей интересуют цена победы и личные истории со смещением акцента с рационального на эмоциональное восприятие;

- общение учителей с учениками выявляет дефицит навыков публичной дискуссии об исторических событиях, их осмысления и оценки, следствием чего является определенная подверженность конфликтам и манипуляциям.

При организации работы по защите информационного суверенитета страны, профилактике и пресечению фейков, необходимо учитывать тренды, в условиях глобализации, принципиально определяющие обстановку сегодня:

- человечество все более погружается в виртуальную реальность, ключевой ценностью является свобода получения и распространения информации;

- уверенно развивается глобальная цивилизация «информационного фастфуда», характерными особенностями которой являются клиповое сознание, утрата критического мышления, эмоциональное, а не рациональное восприятие информации;

- рейтинг стал для СМИ, телеграмм каналов и блогеров основой получения средств для существования и развития в условиях конкурентной информационной среды;

- цифровые технологии создали возможности «колонизации информационного пространства» – целенаправленного формирования контекста восприятия реальности,

эмоционального фона, мировоззрения целевых аудиторий.

Отдельным комплексным фактором является массовое использование смартфонов детьми – и риски здесь следующие.

Смартфон создаёт возможность непрерывного пребывания в цифровой среде, обеспечивая:

1) полностью захватывающую внимание яркость экрана, силу и насыщенность звука из наушников (что повышает порог восприятия сигнала рецепторами, делая затруднительным восприятие обычных сигналов окружающего мира);

2) постоянное «листание» ленты (что востребует только активность участков коры головного мозга, ответственных за прием информации, в ущерб развитию обработки, анализа и запоминания);

3) возможность «банить» неприятные сообщения, ресурсы и персоналии (что погружает пользователя в субъективное состояние психологического комфорта);

4) иллюзию абсолютной власти над виртуальным миром в играх (что формирует у детей и молодежи соответствующее восприятие уже мира реального, куда переносятся «игровые» модели поведения, рождая, в частности, синдром «псковских и казанского стрелков»);

5) приобщение к «инстаграм-восприятию» отредактированных картинок (что порождает чувство неудовлетворённости собственной «неуспешной» жизнью).

Игромания включена ВОЗ в список заболеваний. Доктор Николай Кардарас (исполнительный директор реабилитационного центра Нью-Йорка) считает по результатам клинических исследований светящиеся экраны цифровых устройств приводят к тревоге, депрессии, агрессии, психозу, стимулируя мозг подобно кокаину. Эту позицию поддерживает

доктор Калифорнийского университета Питер Уайброу (Dr. Peter Whybrow), вводя термин «электронный кокаин». Доктор Эндрю Доан (Dr. Andrew Doan), посвятивший много лет исследованию игромании, отмечает, что светящиеся (электронные) экраны вызывают «digital pharmakeia», то есть. цифровой наркотик (греч). Социальные навыки детей снижаются из-за использования цифровых устройств. Способность понимать эмоции собеседника основа успешной коммуникации, а если ребенок использует ежедневно смартфон либо другие цифровые устройства, у него снижается чувствительность и теряется понимание чужих эмоций. Отсутствие навыков общения приводит к проблемам во взаимодействии с окружающими и заставляет ребенка искать способы общения в виртуальном мире, что еще больше способствует цифровой зависимости. В Южной Корее открылись реабилитационные центры по лечению от цифрового слабоумия – последствием чрезмерного использования гаджетов. Цифровое слабоумие (digital dementia) является прямым следствием цифровой зависимости и заключается в неумении решить ни одной жизненной задачи, не прибегая к гаджету [2].

Отметим, что раздел «Основные источники угроз экстремизма в современной России» Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344), в частности, содержит следующие положения: «Специальные службы и организации отдельных государств наращивают информационно-психологическое воздействие на население России, прежде всего на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, дестабилизации внутривнутриполитической и социальной обстановки. ... Значительное негативное влияние на ситуацию в стране

оказывает деструктивная деятельность некоторых иностранных организаций и подконтрольных им российских объединений, осуществляемая в том числе под видом гуманитарных, образовательных, культурных, национальных и религиозных проектов, включая инспирирование протестной активности населения с использованием социально-экономического, экологического и других факторов» [11].

В связи с изложенным выше, актуальными представляются следующие основные угрозы:

- разрушение психического и нравственного здоровья детей через воздействие вредного контента (порно, насилие, цинизм, и т.д.);

- формирование личности детей под полным контролем и социально-технологическим воздействием авторов вредоносного, но яркого и захватывающего контента;

- перекодировка через массивную ложь и дезинформацию об исторических процессах ценностного поля молодёжи (синдром «Коли с Уренгоя»), формирование иррационального негативного видения и оценки происходящего в стране;

- создание экстремистских и террористических игр с целенаправленным («под заказ») формированием мифического, ложного видения истории и политики у молодежи, что создает возможности слаживания и использования виртуальных, а затем и реальных боевых групп и коллективов с «промытыми мозгами»;

- развитие деструктивных и суицидальных субкультур в социальных сетях, внедрение в сознание молодёжи разрушительных личных и социальных моделей поведения.

Успешное противостояние угрозам возможно в рамках реализации базовых ценностных установок [13]: патриотизм (для

уровня страны); доверие к общественным институтам (для уровня государства); согласие (для уровня общества); традиции (для уровня семьи); созидание (для уровня человека). Эти ценностные установки реализуемы, если Россия – суверенное, сильное, социальное государство с солидарным обществом неравнодушных людей, патриотов-созидателей в справедливом мире, в котором система глобальной безопасности базируется на уважении к цивилизационной уникальности и национальным интересам, российская цивилизационная идентичность шире национальной и объединяется системной традиционных ценностей [12].

Заключение. С учетом изложенного, ключевыми задачами обеспечения информационной безопасности, на наш взгляд, являются формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры России и устойчивости ее функционирования, а также защита конституционных прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, в том числе с использованием информационных технологий [10].

В целях разработки механизмов реагирования и преодоления указанных выше угроз рекомендуется рассмотреть возможность:

1. Содействия реализации научных исследований, аналитической и экспертной работе, направленной на создание специальных программ и курсов по обучению безопасному поведению детей в информационном пространстве (на основе Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации [6]).

2. Привлечения внимания органов государственной власти и местного самоуправления, родительского и образовательного сообщества к необходимости решения

проблем разрушения физического и психического здоровья детей ввиду неограниченного нахождения перед экраном компьютеров, смартфонов, потребления опасного информационного контента, участия в играх, связанных с насилием, несущих вред.

3. Организации работы экспертного сообщества по оценке вопросов опасности для нравственного и психического здоровья молодежи информационного контента в медиа среде.

4. Внесения изменений в законодательные акты Российской Федерации, включая Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Федеральный закон от 29 декабря 2010 года N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», предусматривающих:

4.1. Введение правового регулирования ограничений и запретов в отношении информации, оказывающей негативное психологическое воздействие на нравственное и физическое здоровье человека, включая дополнение перечня видов информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, информацией, направленной на:

- пропаганду половой распущенности, насилия, суицида, правового нигилизма, вредных зависимостей, включая азартные игры, употребление табака, алкоголя,

наркотиков, веществ и средств, искажающих сознание и восприятие реальности);

- разрушение традиционных ценностей российского общества, включая семейные ценности;
- развитие деструктивных и девиационных форм мировоззрения и поведения;
- искажение исторического прошлого России.

5. Разработки комплексной программы проведения всесторонней психологической, возрастной, аксиологической и исторической экспертизы информации, содержащей угрозу оказания негативного психологического воздействия на нравственное и физическое здоровье детей на территории Российской Федерации.

6. Организации и проведения программ для студентов педагогических образовательных учреждений, курсов повышения квалификации для педагогических работников образовательных учреждений Российской Федерации по тематике информационной безопасности детей (ценностный, нравственной и физиологический аспект).

7. Законодательного закрепления обязательств маркировки вероятной информации как личного мнения или гипотезы, не подтвержденной фактически.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Государственная пропаганда и информационные войны. Москва: Ассоциация исследователей российского общества, 2015. 400 с.

2. Больше времени на цифровых устройствах означает, что дети с меньшей вероятностью выполняют домашнее задание.

URL: <https://phys.org/news/2016-10-digital-devices-kids-finish-homework.html> (дата обращения 28.07.2023).

3. Глоссарий по информационному обществу / Под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества, 2009. 160 с.

4. Информация // Большая Советская Энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/162286/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 01.08.2023).

5. Клинтон: США не допустят возрождения СССР. [Электронный ресурс]: Russia Today на русском. 07.12.2012. URL: <http://russian.rt.com/article/1787> (дата обращения 01.08.2023).

6. Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/0vjjsdBmSsIdUZ4c8Z2eOAIgkCbCf7OJ.pdf> (дата обращения 01.08.2023).

7. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565> (дата обращения 01.08.2023).

8. Почепцов Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. Москва: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. 576 с.

9. Таран И., Комарова Е. «Обосновать агрессивные действия»: как США наращивают военную активность в киберпространстве. URL: <https://russian.rt.com/world/article/748742-ssha-kibervoiska-pentagon> (дата обращения 01.08.2023).

10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 01.08.2023).

11. Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения 01.08.2023).

12. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения 01.08.2023).

13. Харичев А. Д., Шутов А. Ю. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). URL: <https://naukaru.ru/temp/13139fb730ab6c6065a89176fbc2ca8e.pdf> (дата обращения 01.08.2023).

REFERENCES

1. Barabash V. V., Bordyugov G. A., Kotelenets E. A. Gosudarstvennaya propaganda i informatsionnye voyny. Moskva: Assotsiatsiya issledovateley rossiyskogo obshchestva, 2015. 400 с.

2. Bol'she vremeni na tsifrovyykh ustroystvakh oznachet, chto deti s men'shey veroyatnost'yu vpolnyat domashnee zadanie. URL: <https://phys.org/news/2016-10-digital-devices-kids-finish-homework.html> (дата обращения 28.07.2023).

3. Glossariy po informatsionnomu obshchestvu / Pod obshch. red. Yu. E. Khokhlova. M.: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2009. 160 s.

4. Informatsiya // Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/162286/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 01.08.2023).

5. Klinton: SShA ne dopustyat vozrozhdeniya SSSR. [Elektronnyy resurs]: Russia Today na russkom. 07.12.2012. URL: <http://russian.rt.com/article/1787> (data obrashcheniya 01.08.2023).

6. Kontsepsiya informatsionnoy bezopasnosti detey v Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://static.government.ru/media/files/0vjjsdBmS-sIdUZ4c8Z2eOAIgkCbCf7OJ.pdf> (data obrashcheniya 01.08.2023).

7. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565> (data obrashcheniya 01.08.2023).

8. Pochepstov G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy. Moskva: Refl-buk, K.: Vakler, 2000. 576 s.

9. Taran I., Komarova E. «Obosnovat' agressivnye deystviya»: kak SShA narashchivayut voennuyu aktivnost' v kiberprostranstve. URL: <https://russian.rt.com/world/article/748742-ssha-kibervoiska-pentagon> (data obrashcheniya 01.08.2023).

10. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 N 400 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (data obrashcheniya 01.08.2023).

11. Ukaz Prezidenta RF ot 29 maya 2020 g. № 344 «Ob utverzhdenii Strategii protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (data obrashcheniya 01.08.2023).

12. Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (data obrashcheniya 01.08.2023).

13. Kharichev A. D., Shutov A. Yu. Vospriyatie bazovykh tsennostey, faktorov i struktur sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovaniy i aprobatsii). URL: <https://naukaru.ru/temp/13139fb730ab6c6065a89176fbc2ca8e.pdf> (data obrashcheniya 01.08.2023).

Информация об авторе

Антон Иванович Лукаш, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и права, Волгоградский государственный технический университет, пр. им. Ленина, 28, 400005, г. Волгоград, Российская Федерация, luka-6@yandex.ru

Information about the Author

Anton I. Lukash, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University, Ave. Lenina, 28, 400005, Volgograd, Russian Federation, luka-6@yandex.ru

Для цитирования: Лукаш А. И. О некоторых актуальных вопросах обеспечения информационной и ценностной безопасности в России // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 41–52. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N3.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК 94(470.44/.47)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЦАРИЦЫНА, ДУБОВКИ, САРЕПТЫ С МОМЕНТА ОСНОВАНИЯ ДО КОНЦА XIX ВЕКА И ЦАРИЦЫНА-СТАЛИНГРАДА-ВОЛГОГРАДА В XX–XXI ВЕКЕ)

Татьяна Борисовна Иванова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Одно из важнейших направлений региональной политики состоит в создании условий экономического развития. Цель данного исследования – провести анализ взаимодействия природных, технологических и социальных факторов, воздействующих на этот процесс. **Материалы и методы.** Используются путевые записки, монографические исследования, статистические сборники, изданные в период с XVIII века по настоящее время. Выбор объектов исследования обусловлен тем, что они расположены на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Это позволяет выявить особенности изменений в экспериментальном объекте (Царицыне) и двух контрольных (Сарепта и Дубовка). Используется историко-эволюционный и экономико-географический подходы. На основе изучения исторических источников выявляются действовавшие факторы развития и их взаимодействие. Форсмажорные обстоятельства (пожары, войны, пандемии) обозначаются, но подробно не исследуются. **Сравнительный анализ развития Царицына, Дубовки и Сарепты с момента основания до конца XVIII века.** Природные, технологические и социальные факторы различным образом взаимодействуя в объектах исследования обусловила стагнацию экономической деятельности в Царицыне, кризису в Дубовке, интенсивному развитию Сарепты. Для Царицына и Дубовки основным было регулирующее воздействие, для Сарепты – технологическое превосходство. **Сравнительный анализ развития Царицына, Дубовки и Сарепты в XIX веке.** Основным фактором развития стало расположение объектов исследования, которое определило принятие решения о формировании логистического узла в Царицыне. Из-за сократившихся за счет этого издержек сюда стали перетекать капиталы из других территорий. Создались условия для получения рабочих мест. Дубовка проиграла в конкурентной борьбе в связи с менее эффективными природными условиями, Сарепта из-за социального фактора –

следования общинным принципам организации производства. **Специфика развития Царицына – Сталинграда – Волгограда в XX–XXI веке.** Логистические возможности Царицына обусловили его развитие до 1990 года как центра крупного промышленного производства. Общественная собственность способствовала устранению конкуренции, но постепенно привела к снижению эффективности производства. При переходе к рыночной экономике реализация частных интересов привела к закрытию значительного числа крупных заводов, сокращению числа рабочих мест и оттоку населения из Волгограда. В настоящее время продолжается сложившаяся еще в XX веке тенденция незначительный рост рабочих мест при существенном увеличении объема инвестиций. **Выводы и рекомендации.** Природные факторы по характеру своего воздействия на развитие территории являются наиболее устойчивыми. Социальные и технологические в зависимости от уровня развития могут играть друг по отношению к другу различную роль – как сдерживающую, так и стимулирующую. Их анализ надо проводить комплексно, учитывая существующие связи и конкуренцию между населенными пунктами. Большое значение для эффективного развития имеют цели, поставленные перед территорией. В настоящее время они связаны с формированием условий реализации цифровой экономики и обеспечения возможностей осуществлять платформенную занятость. Изменение технологического уклада на основе цифровизации экономики для позитивного воздействия на экономическое развитие территории вызывает необходимость вкладывать ресурсы в повышение качества жизни, привлекая на постоянное место жительства работающих удаленно.

Ключевые слова: факторы экономического развития, XVIII, XIX, XX, XXI век, Царицын, Дубовка, Сарепта, Сталинград, Волгоград

UDC 94(470.44/.47)

INTERACTION OF FACTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES (BY THE EXAMPLE OF TSARITSYN, DUBOVKA, SAREPTA FROM THE DATE OF FOUNDATION UNTIL THE END OF THE XIX CENTURY AND TSARITSYN-STALINGRAD-VOLGOGRAD IN THE XX–XXI CENTURIES)

Tat'jana B. Ivanova

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. One of the most important directions of regional policy is to create conditions for economic development. The purpose of this study is to analyze the interaction of natural, technological and social factors affecting this process. **Materials and methods.** Travel notes, monographic studies, statistical collections published in the period from the XVIII century to the present are used. The choice of research objects is due to the close location of settlements. This makes it possible to identify the features of changes in the experimental object (Tsaritsyn) and two control objects (Sarepta and Dubovka). Historical-evolutionary and economic-geographical approaches are used. Based on the study of historical sources, the existing factors of development and their interaction are revealed. Force majeure circumstances (fires, wars, pandemics) are indicated, but are not

investigated in detail. **Comparative analysis of the development of Tsaritsyn, Dubovka and Sarepta from the moment of foundation to the end of the XVIII century.** Natural, technological and social factors interacting in various ways in the objects of research caused the stagnation of economic activity in Tsaritsyn, the crisis in Dubovka, and the intensive development of Sarepta. For Tsaritsyn and Dubovka, the main thing was regulatory influence, for Sarepta – technological superiority. **Comparative analysis of the development of Tsaritsyn, Dubovka and Sarepta in the XIX century.** The main factor of development was the location of the research objects, which determined the decision to form a logistics hub in Tsaritsyn. Due to the reduced costs due to this, capital began to flow here from other territories. The conditions for obtaining jobs have been created. Dubovka lost in the competition due to less efficient natural conditions, Sarepta because of the social factor - following the community principles of production organization. **The specifics of the development of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd in the XX–XXI century.** The logistics capabilities of Tsaritsyn led to its development until 1990 as a center of large-scale industrial production. Public ownership contributed to the elimination of competition, but gradually led to a decrease in production efficiency. During the transition to a market economy, the realization of private interests led to the closure of a significant number of large factories, a reduction in the number of jobs and an outflow of the population from Volgograd. At present, the trend that developed back in the XX century continues, a slight increase in jobs with a significant increase in investment. **Conclusions and recommendations.** Natural factors by the nature of their impact on the development of the territory are the most stable. Social and technological, depending on the level of development, can play different roles in relation to each other – both constraining and stimulating. Their analysis should be carried out comprehensively, taking into account the existing ties and competition between settlements. The goals set for the Territory are of great importance for effective development. Currently, they are associated with the formation of conditions for the implementation of the digital economy and providing opportunities for platform employment. A change in the technological structure based on the digitalization of the economy for a positive impact on the economic development of the territory makes it necessary to invest resources in improving the quality of life by attracting remote workers to permanent residence.

Keywords: factors of economic development, XVIII, XIX, XX, XXI century, Tsaritsyn, Dubovka, Sarepta, Stalingrad, Volgograd.

Введение. Неравномерность регионального экономического развития, миграционные процессы, приводящие к росту населения в одних немногочисленных регионах и сокращению численности в других – проблемы, которые стремятся решить в современной России уже ни одно десятилетие. В Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» определено, что для этого

необходимо обеспечить в регионах устойчивый экономический рост, научно-технологическое развитие, повышение конкурентоспособности [18]. Внимание к развитию территорий проявлялось в России на протяжении всех предшествующих веков. Расширение границ страны на юг и восток требовало обеспечения их безопасности и заселения, сформировав соответствующий исторический опыт. Цель данного исследования – проанализировать взаимодействие природных, тех-

нологических и социальных факторов экономического развития территорий. Объектами исследования стали Царицын, Дубовка, Сарепта с момента основания – до конца XIX века и Царицын-Сталинград-Волгоград в XX–XXI веке.

Материалы и методы исследования.

При проведении анализа использованы путевые записки, монографические исследования, статистические сборники, изданные в период с XVIII века по настоящее время. Выбор объектов исследования обусловлен тем, что они расположены на относительно небольшом расстоянии друг от друга: между Волгоградом от места расположения Царицынской крепости до Дубовки 52 километра, до Старой Сарепты – 67. Это позволяет реализовать достаточно редкую для исследователей возможность – выявить особенности изменений в экспериментальном объекте (Царицыне) и двух контрольных (Сарепта и Дубовка). В XXI веке подобные ситуации создаются искусственно при проведении пилотных проектов, которые, в отличие от нашего случая, ограничены по времени наблюдения несколькими годами. Так как в XX–XXI веке Дубовка и Сарепта перестали играть существенную хозяйственную роль, то анализ в этот период ограничился Царицыным (до 1925 года), Сталинградом (1925–1961 год), Волгоградом (с 1961 года по н.в.).

Используется историко-эволюционный и экономико-географический подходы. Непосредственно методика анализа состоит в следующем: 1) на основе изучения исторических источников определяются природные, технологические и социальные факторы, определившие развитие конкретного населенного пункта; 2) проводится оценка влияния факторов на его экономическое развитие; 3) выявляются наиболее существенные. Форс-мажорные обстоятельства, прерывающие поступательное развитие территорий –

пожары, войны, пандемии – вспышки холеры, чумы, при проведении анализа обозначаются, но подробно не исследуются.

Сравнительный анализ развития Царицына, Дубовки и Сарепты с момента основания до конца XVIII века. Наиболее длительную историю развития среди рассматриваемых городов имеет Царицын. Он был образован в 1589 как крепость и заселен стрельцами для охраны Волжского торгового пути, по которому перевозились товары из Кавказа, Персии, других стран Востока, соль и рыба из Астрахани, различные товары в обратном направлении. В 1608 году из-за невозможности удержать крепость правительственными войсками Царицын был сожжен, но к сентябрю 1619 года восстановлен вновь. По сметной росписи 1651 года в крепости служило 518 человек, среди которых преобладали стрельцы (100 конных и 400 пеших). «Деловые люди» отсутствовали, хотя ранее значились 2 пивовара [12].

Есть свидетельства о наличии в Царицыне в 20-х годах XVII века не только служилых, но религиозных и торговых людей. В 1616 году появилось несколько церквей и монастырей. В 1623 году московский торговый человек Котов видел в Царицыне рыбные лавки, амбары, ряды [2].

В 1773 году Царицын стал воеводским городом, но весь XVIII век его роль как военной крепости была гораздо значительнее, чем города [8]. Это подтверждается, например, тем, что именно к Царицыну апеллировали жители Сарепты и Дубовки, прося предоставить им для охраны солдат, казаков, пушки во время пугачевского бунта. Эффективность этих обращений оказалась низкой, но сам Царицын в большей степени страдал от пожаров, чем от разграбления разбойниками.

Первый саратовский губернатор И. И. Поливанов [7], описывая в 1785 году Цари-

цын отмечал, что население города составляет 938 человек, в том числе 238 – купцы, ведущие торговлю с казаками близлежащих станиц и кочующими калмыками, 320 – мещане и цеховые, 113 – бобыли, 12 – болдыри, 123 – поляки, 71 – пришлые из разных мест. Преобладающими видами деятельности являлось разведение арбузов, винограда, выращивание проса, рыболовство, скотоводство. Из заводов указан только Ахтубинский шелковый, расположенный от Царицына в 14 верстах на реке Ахтубе. Необходимость охраны территории от разбойников не прекращалась до конца XVIII века. Даже в 1797 году Минх [15] отмечал, что около города усиливается разбойничество.

Дубовка была образована через 145 лет после появления Царицына, тоже как сторожевой пункт. Официальной датой её появления считается 1734 год, когда было решено построить новые сторожевые линии между Царицыным и Камышиным. Для этого было первоначально заселено 1057 семей русских, малороссов и донских казаков, а с 1742 года население стало увеличиваться за счет прихода разных выходцев и пленных. В то же время есть предание, что Дубовка существовала на том же самом месте и до 1732 года в качестве городка. Но теперь она становится частью системы охраны вновь присоединенных земель.

Возможности развития Дубовки резко сократились в 70-е годы XVIII века. В 1773–1774 годах на неё совершили нападение киргизы, угнав скот и разорив местность. В 1774 году захватили войска Пугачева. После этого в 1776–1778 годах основная часть Волжского казачьего войска была переселена на Кавказ. Существует несколько объяснений принятия такого решения – от наказания за переход на сторону мятежников до необходимости укрепления новой пограничной линии на Тереке [9], но для нас важны его последствия.

По свидетельству Минха [14] из Дубовки было выселено 4640 человек, и она фактически опустела. В 1778 году началось её новое заселение – малороссами, выходцами из соседних губерний, малоземельными экономическими крестьянами числом 2000 семей, среди которых были распределены отобранные у переселенных казаков земли. И. И. Поливанов в 1780-е годы, характеризуя территорию от Царицына до Камышина, где располагается Дубовка, описывает её как малозаселенную, используемую для хлебопашества и скотоводства.

В целом, с точки зрения состояния хозяйственной деятельности, Царицын и Дубовка в XVIII веке схожи между собой. Население составляло около 1000 человек, несло военную службу, занималось сельским хозяйством, торговало с близлежащими станицами и калмыками. Основное отличие состояло в степени безопасности, которую в большей степени обеспечивал Царицын, в его большей известности как существующего на Волге населенного пункта, наличия у него статуса города.

По-иному складывалось развитие Сарепты. Она была образована через 176 лет после Царицына, через 31 год после Дубовки общиной евангелистических братьев Гернгутеров. Её жители сразу же стали активно заниматься промышленным производством. Возможность поселиться на новых степных российских землях появилась благодаря манифесту Екатерины II ещё в 1762 году, но приток переселенцев пришелся на 1764–1770 годы, когда дополнительно были предоставлены гарантии вероисповедания, налоговые и таможенные льготы, освобождение от служб и повинностей. Земли для заселения в окрестностях Царицына были выделены в 1764 году [3], и уже через год – в 1765 была заложена Сарепта. Колонисты занимались такими видами деятельности как портняжное,

сапожное, башмачное, столярное, плотничное, кузнечное, горшечное, пекарное, в том числе была построена гостиница, табачная фабрика, кондитерская с пряничным печеньем. Впоследствии появились свечной и кожевенный заводы, красильня, бойня. Развивалось табаководство, виноградарство. Скотоводство использовалось в малой степени, так как колонисты не выдерживали конкуренции с калмыками. Были построены дома, проведен водопровод. Непосредственно на месте товары закупалась калмыками и казаками, часть отправлялась в Царицын, Астрахань, Саратов, Москву, Санкт-Петербург. Все имущество принадлежало всему гернгутскому евангелистскому братству, в том числе расположенному за пределами Сарепты. Но из-за увеличившегося объема производства управлять им стало трудно, поэтому была введена аренда с правом выкупа. Началось расслоение общинной собственности [10].

Развитие экономики Сарепты было подорвано несколькими внешними событиями: 1) уходом в 1771 году калмыков, которые были основными потребителями выпускаемой продукции, 2) неоднократными нападениями, как и на Дубовку, киргизов и калмыков, 3) разграблением в 1774 году пугачевцами, ущерб от грабежа которых оценивался в 100000 рублей. Последнее было особенно разорительно, но уже к 1776 году хозяйство стало восстанавливаться. Этому способствовала отсрочка по выплате ссуды российскому государству, помощь, собранная в немецких братских общинах. Появились новые виды деятельности: был открыт минеральный источник, который в 1796 году посетило 300 человек. Сначала даже не хватало помещений для расселения всех желающих. Но в 1801 году на воды приехал только один. Назывались разные причины: изменение свойств воды, конкуренция с кавказскими курортами, но Я. Е. Дитц [4] был уверен, это произошло

из-за того, что гостям не были созданы по религиозным соображениям условия для «веселой» жизни, позволяющей кутить, хотя были возможности производить вино, готовить изысканные блюда.

И. И. Поливанов в 1785 году отмечал Сарепту как один из двух (наряду с Черным Яром) наиболее крупных населенных пунктов Царицынского уезда. Спрос на продукцию сарептинцев стал превышать предложение. Но с собственными трудовыми ресурсами у колонии возникли сложности. С 1765 по 1802 год, то есть за 38 лет, прибыло из-за границы 711 человек, родилось 278, убыло назад в Германию 105, умерло 277 человек, ушло в другие местности России из-за религиозных разногласий 190.

На работу начали привлекаться лица со стороны. Нанимались немцы-колонисты из северо-поволжских колоний. Община платила мастерам, подмастерьям и ученикам заработную плату, остальные деньги шли в общинную кассу. Нанятые немцы-колонисты изученные технологии переносили в свои колонии, причем нередко с усовершенствованиями, снижающими цены. В самой колонии – единственной религиозной иностранной, основанной на общинном укладе, изменения в технологии не вносились. За счет этого произведенные товары проигрывали в конкурентной борьбе, прежде всего из-за дороговизны, о чем писал Паллас еще в 1773 году. Тем не менее, по свидетельству Клауса к 1788 году Сарепта достигла полного расцвета [6]. Ранее упоминавшийся уход калмыков снизил спрос на производимые товары только на время. Благодаря большей безопасности края в степи стало переезжать все больше оседлого населения, создавая рынок сбыта.

Оценка влияния и значимости различных факторов на экономическое развитие территорий. В целом, развитие Сарепты существенно отличалось от развития Царицына

и Дубовки по следующим направлениям: 1) наличие различных льгот, 2) знание промышленных технологий, 3) общинное устройство, замкнутость, выполнение установленных религиозных правил, 4) организация промышленного производства, пользующегося спросом, 5) недостаточность рабочей силы. Приток новых колонистов был ограничен: Я. Е. Дитц [4] сообщал, что в 1789 году значительное число колонистов хотело вступить в общину и поселиться рядом с Сарептой, но согласие получили только 5 семей. Привлекались временные работники, которые обучались сарептенским технологиям и затем успешно конкурировали с колонистами. Таким образом, технологическое превосходство Сарепты в сочетании с институциональной спецификой (общинная собственность, недостаток рабочих рук, отсутствие защиты интеллектуальной собственности) привели к появлению предпосылок ухудшения хозяйственной деятельности. Сама Сарепта стала фактором расширения видов занятости, миграционным центром притяжения работников, но не создавая условий для их закрепления по религиозным соображениям внутри колонии, выступала как мультипликация развития окружающей территории.

С точки зрения жизненного цикла каждый из рассматриваемых населенных пунктов находился к концу XVIII века на восходящей траектории развития. Степень её интенсивности определялась институциональными особенностями развития и доступностью применения различных технологий. Существенным, если не определяющим фактором, стало целеполагание развития, определяемое решениями стейкхолдерами: внешними для Царицына и Дубовки (правительства), внутренними для Сарепты (общины).

Проведенный анализ позволяет выделить следующие наиболее значимые факторы развития рассматриваемых территорий:

1) природные – расположение на берегу Волги, причем рядом с её притоками, 2) технологические – несение караульной службы и земледельчество в Царицыне и Дубовке, промышленное производство в мелких масштабах в Сарепте, 3) социальные – частная собственность и определяющее влияние выполняемых функций по стороны государства для Царицына и Дубовки, смешанные общинно – частные отношения для Сарепты. Их взаимодействие образует неоднозначную картину: Царицын – стагнация, Дубовка – кризис под влиянием регулирующего воздействия, Сарепта – развитие благодаря более высокому технологическому уровню, но одновременно формирование своих конкурентов из-за ограничения частной инициативы и следования общинным правилам.

Сравнительный анализ развития Царицына, Дубовки и Сарепты в XIX веке. XIX век – период промышленного развития рассматриваемых территорий. Нижнее Поволжье стало достаточно безопасно для ведения хозяйственной деятельности, стал формироваться новый технологический уклад. Произошел переход от крестьянской к промышленно-предпринимательской колонизации. Водораздел закономерностей развития Царицына, Дубовки, Сарепты стал 1862 год – ввод в действие в уезде железных дорог. В работе [24] состояние и развитие Царицына и Дубовки до 1861 года описывается следующим образом.

Царицына: 1) скудость «естественного богатства», 2) незначительный масштаб фабрично-заводской деятельности, 3) формирование промышленных капиталов, 4) торговля преимущественно с калмыками и киргизами хлебом, чаем, деревянными изделиями, 5) перевоз грузов (преимущественно леса) между Волгой и Доном гужевым транспортом, 6) недостаточность промышленного производства для организации поставок в другие регионы.

Дубовка благодаря переволоке между Доном и Волгой до 1862 года была важным пунктом транзитной торговли между землями Донского казачьего войска, Азовского и Черного моря. К особенностям её развития до 1861 года относятся: 1) характер переправляемых грузов – с Волги на Дон – военные снаряды и провиант для черноморских крепостей и флота, лес, деготь, смола для Донских земель и Кавказа, баржи целиком или в разобранном виде, с Дона на Волгу – вина и продукты (сало, фрукты, деревянное масло и т.п.), 2) строительство в 1847 году за

счет частных капиталов железно-конной дороги, которая была закрыта в 1852 году как неудобная, но обсуждался вопрос о рытье на месте переволоки канала, 3) на территории посада постоянно присутствовали военные комиссионеры и приемщики сухопутного и морского ведомств, 4) к пристаням подходило до 600 судов и 50 плотов, далее шли не более 10 %, остальные разгружались в Дубовке.

В таблице 1 приведены сравнительные данные о хозяйственной деятельности Царицына и Дубовки в 1861 году.

Таблица 1

**Сравнительные данные хозяйственной деятельности
Царицына и Дубовки в 1861 году**

Показатели	Царицын	Дубовка	2/3, раз
1	2	3	4
Население всего, в том числе [^]	6748	12893	0,52
купцов	1038	3225	0,32
мещан	3256	8368	0,39
крестьян (государственных, удельных, временно-обязанных)	860	526	1,63
нижних воинских чинов с семействами	1127	472	2,39
Купеческие капиталы, всего, в том числе:	120	310	0,39
2 рода (5-10 тыс. руб., торговые операции по всей России)	-	1	-
3 рода (1-5 тыс. руб., торговля на месте)	120	309	0,39
Заводы и фабрики*	12	26	0,46
Объем производства, руб.	10000	100000	0,1
Число направлений деятельности заводов и фабрик	4	7	0,57
Число ремесленных заведений, ед.	135	128	1,05
Число направлений деятельности ремесленников	17	9	1,89
Доля среди ремесленников местных жителей, %	50	88	0,57
Лавок, магазинов, амбаров, ларей	261	262	1,00
Гостиниц и постоялых дворов	13	5	2,60
Содержание учебных, благотворительных и других общепольных заведений, руб.	714	1128	0,63
Наружное благоустройство, руб.	424	118	3,59
* Не включены 6 шерстемоек общим объемом производства в несколько тысяч рублей			
<i>Источник:</i> составлено и рассчитано авторами по [24]			

Из приведенных материалов видно преобладающее развитие Дубовки по сравнению с Царицыным. В нем по-прежнему преобладали военные: доля нижних воинских чинов с семьями составляла почти 17 % населения по сравнению с 3,7 % в Дубовке. Больше было только разнообразие направлений деятельности ремесленников, число гостиниц и постоянных дворов, затраты на наружное благоустройство. Абсолютные значения показателей по годам могли иметь разную динамику. Например, в 1833 году по сравнению с 1861, в Царицыне было больше купцов 3 гильдии, фабрик и заводов [19]. Но общую динамику большего экономического развития рассматриваемых территорий это не меняло.

Миграционные процессы в Царицыне и Дубовке были связаны с перевозкой грузов. Для первого число фурщиков оценивалось до 7000 человек с 80000 волами, про второй известно, что летом прибывали чумаки с волами и лошадьми. Их также называли фурщиками, то есть, происхождение перевозчиков грузов в обоих населенных пунктах идентично и связано с высвобождением в 1828 году эльтоновских чумаков и получения ими

разрешения селиться на пустующих территориях Нижнего Поволжья [22].

Ситуация изменилась со строительством железных дорог (в 1862 году Волго-Донской железнодорожной ветки, в 1872 году – Грязе-Царицынской, 1897 – Тихорецко-Царицынской, 1900 – Восточно-Донецкой). Уже открытие первой дороги снизило стоимость перевозки грузов в 5 раз [24] и привело к перетоку капиталов и торговли из Дубовки и даже Камышина в Царицын. Строительство Волго-Донской дороги создало маятниковую миграцию. В 1859 году на строительство было привезено в Царицын около 2000 человек из Вологодской, Тверской и Смоленской губерний. Из них на зиму осталось только 200. В 1860 году дополнительно к ним было завербовано еще около 2500 работников, из которых 1046 человек из-за ужасных условий (плохое питание, бытовые условия, медицинская помощь, жара) в тот же год покинуло стройку. В 1861 году на строительство было привлечено 5000 рабочих. Дорога была достроена. В её штат было принято 314 человек [11].

В таблице 2 приведены изменения в развитии Царицына и Дубовки в 1898 году.

Таблица 2

Сравнительные данные хозяйственной деятельности Царицына и Дубовки в 1898 году

Показатели	Царицын	Дубовка	2/3, раз	По сравнению с 1861 годом	
				Царицын	Дубовка
Население, всего	56454	16527	3,4	8,4	1,3
В том числе					
купцов	480	185	2,6	0,5	0,06
мещан	25448	12978	1,96	7,8	1,6
Заводы и фабрики	140	61	2,3	11,7	2,4
Объем производства, млн. руб.	2,5	1,5	1,7	250	15
<i>Источник:</i> составлено и рассчитано авторами по [24]					

Как видим, Царицын стал превосходить в своем развитии Дубовку. Я. Е. Минх [15] как признак успешного роста отмечал появление в городе евреев. Велась торговля керосином, рыбой, лесом, солью, хлебом, товарами бакинской нефтепромышленности, для чего использовалось большое количество наливных вагонов-цистерн. Приток населения в целом на юг (не только в Царицын) обеспечивался отходниками из близлежащих губерний. Из Казанской, где обеспеченность землей была наименьшей, на заработки уходило до 180 тыс. человек (9 % всего сельского населения), из Самарской – в 4 раза меньше (до 30 тыс. человек). Саратовской – до 60000 человек (часть из них оседала в самом Саратове и его окрестностях) [20]. Этим процессы были связаны и с отменой крепостного права.

Для самого Царицына отток населения был не характерен. За 35 лет (данные 1901 года) численность жителей возросла в 8 раз и в этом Царицын превзошел все поволжские города [20]. Причина этого в открытости рынка труда. Благодаря географическому положению (Волга, железнодорожная связь с Доном и внутренними губерниями) осуществлялся найм работников на суда, пристани, заводы. Примерно половину всей производимой продукции давали 10 лесопильных. Последующие места по значимости занимали мукомольные, соломольные и механические. П. А. Ососков отмечает наличие грандиозных зданий сталелитейного завода французской компании и Нобелевский нефтяной городок (склад нефтяных продуктов) [20]. Для обслуживания всего производственного процесса развивается инфраструктура: действует 7 кредитных учреждений, 10 церквей, 1 монастырь, кирха, мечеть, мужская и женская гимназии, ремесленное училище, частная библиотека, метеорологическая станция и другие [20].

В 1904 году в Царицыне проживало уже 70739 жителей. Увеличилось число домов (1284 каменных, в том числе саманных, и 11930 деревянных). Для поливки улиц проложен водопровод, проведено освещение [3]. До 1861 года ежегодный прирост населения был 4 %, в 1857–1873 годы вырос до 6,6 %. Средний ежегодный прирост населения за 1877–1907 годы составил 17,4 % [23].

Таким образом, как и прогнозировалось [24] стало идти активное развитие Царицына и сокращение динамики развития Дубовки, хотя последняя тоже не прекратила наращивать производственный потенциал (таблица 2). Дубовка продолжала конкурировать с Царицыным при перевозке леса, оставалась значительным пунктом хлебной торговли. Наряду с этим в 1898 году практически прекратилась дегтярно-смоляная торговля, не выдержав конкуренции с продажей через Царицын бакинской нефти. Число ремесленников (мастеров, рабочих, учеников) достигло 842. Развилось садоводство (преимущественно вишневое). Мещане занимались хлебопашеством, торговлей, кустарными промыслами, рыболовством. Ежегодно из посада на отхожие работы уходило до 4000 тыс. человек – более 24 % населения.

Формирование новой логистики позволило Царицыну одержать вверх в конкурентной борьбе с Дубовкой. Основным фактором развития оказался технологический. Иным был характер развития Сарепты.

Период до появления железной дороги А. А. Клаус [6] описывал следующим образом. В конце XVIII – начале XIX века северо-поволжские колонисты, получив доступ к технологиям сарептинцев, стали вытеснять с рынка их товары, так как частная собственность в большей степени заинтересовывала в модернизации производства, что повышало качество и снижало стоимость товаров. Под

влиянием конкуренции с 1820 года стало убыточным сарпиночное производство, закрылось из-за отсутствия спроса чулочное и суконное. Сокращению хозяйственной деятельности способствовали, кроме того, такие форс-мажорные события как пожары, неблагоприятный валютный курс, от которого зависели закупки в Европе, необходимые для ведения хозяйственной деятельности, чума.

Осталось прибыльным горчичное дело, которое стало развиваться с 1801 года, на основе использования частных капиталов Глича, Кноблоха. Они вводили технические усовершенствования, стали использовать паровой двигатель. Это обеспечило успешную конкуренцию с производством горчицы в Дубовке и расположенном рядом с Сарептой селе Чапурники.

После пожара 1823 года Центральной дирекцией Гернгута обсуждался вопрос о целесообразности восстановления Сарепты. Благодаря финансовой помощи дирекции и российского правительства она смогла восстановиться, в отличие от полного разорения тоже расположенной в Нижнем Поволжье немецкой колонии Радичев. Тем не менее, в 1892 году община в Сарепте официально была ликвидирована.

На 1 января 1865 года в самой Сарепте проживало 470 человек, в предместьях постоянно еще от 500 до 550 рабочих, преимущественно из приволжских колонистов. В 1859–1960 годах численность жителей увеличилась до 1046 человек (члены общины, поволжские немцы-колонисты и лица других национальностей – русские, калмыки, татары). За период её существования из-за границы приехало 1145 человек, уехало 667. К 1901 году численность выросла только до 2041 жителей [13]. Естественный прирост населения был низким из-за религиозно-социального регулирования браков. Последнее отражало специфику развития именно Сарепты, так как

численность колоний, расположенных севернее, за 92-летний период выросла в 10 раз.

В целом, с развитием вокруг Сарепты торговли, промышленности, мануфактуры финансовое положение колонии до строительства в 1899 году железной дороги ухудшалось [6]. Несмотря на привнесение жителями Сарепты в Нижнее Поволжье значительного количества технологий, её численность оставалась не только существенно ниже по сравнению с Дубовкой и Царицыным, но и изменялась более низкими темпами.

Дальнейший путь развития колонии определился реформой гражданского самоуправления 1877 года, согласно которой Сарепта становилась административной волостной единицей, подчиняющейся уезду и губернии. Были прекращены привилегированные условия её существования, ликвидирована общинная собственность, условия хозяйственной деятельности стали идентичны остальным территориями.

Новые возможности развития Сарепта получила за счет строительства железной дороги Царицын-Тихорецкая (Владикавказская железная дорога), которая проходила в 2 верстах от поселка, и реконструирования пристани в середине 1890-х годов. Вместо маленького дебаркадера появился крупный грузовой порт, составивший с железнодорожной станцией единый транспортный узел.

Оценка влияния и значимости различных факторов на экономическое развитие территорий. Проведенный анализ позволяет выделить следующие наиболее значимые факторы развития рассматриваемых территорий: 1) природные – близость Царицына и Дубовки к переволоке; 2) технологические – переход к промышленному производству, необходимость дешевой транспортировки товаров между регионами и увеличение объемов производства для обслуживания увеличиваю-

щихся грузов, формирование крупного логистического узла; 3) социальные – развитие частной собственности; 4) соответствие социальных отношений технологическому укладу, так как в этом случае даже при отсутствии государственной поддержки возможно развитие территорий; 5) совершенствование применяемых технологий, как логистических, так и производственных, что в совокупности улучшает соотношение цены и качества. За рассматриваемый период времени наилучшее сочетание этих условий сложилось в Царицыне, что обеспечило преобладание его развития. Неэффективность сочетания приведенных факторов в Дубовке обусловило меньшую интенсивность её развития. В Сарепте наибольшую роль сыграли социальные факторы, которые не дали получить эффект от первоначального технологического превосходства колонии. К 1899 году за счет строительства железной дороги, отказа от общинных принципов ведения производства условия ведения хозяйственной деятельности в Сарепте стали улучшаться.

Специфика развития Царицына – Сталинграда – Волгограда в XX–XXI веке. В XX–XXI веках хозяйственная роль Дубовки и Сарепты стала несущественной и потому не рассматривается. Более того, Сарепта в 1920 году была переименована в поселок Красноармейск и в 1931 году присоединена к Сталинграду.

Факторы и динамика развития Царицына-Сталинграда-Волгограда делится на 2 периода: 1) до 90-х годов XX века – промышленное производство, то есть прежний технологический уклад и изменение социальных отношений – общественная собственность; 2) 90-е годы XX века по настоящее время – изменения технологий (переход к цифровой экономике) и социальных отношений (частная собственность). Как и в предыдущие пе-

риоды, будет рассматриваться общая тенденция изменений, без учета сокращения уровня развития во время Гражданской и Великой Отечественной войн, засух, пандемий.

Период развития Царицына – Сталинграда – Волгограда до 90-х годов XX века связан с формированием и функционированием крупного производства. При выполнении ранее гранта РГНФ «Проблемы экономического районирования и размещения производительных сил в трудах ученых Юга России 1920–1930-х гг.» авторами были выявлены следующие драйверы хозяйственного развития Царицына-Сталинграда в 20–30-е годы XX века [6]: 1) сокращение деревообрабатывающей и рост металлургической промышленности; 2) большая интенсификация производства в отраслях, имеющих диверсифицированные источники внешних и внутренних сырьевых ресурсов; 3) рост производства товаров наиболее перспективной отрасли – металлургии, формирующей внутри региона большую часть добавленной стоимости; 4) финансирование производства не столько за счет внутрирегиональных, сколько национальных и иностранных финансовых средств. То есть, преимущественное развитие получало крупное производство со значительным экспортным потенциалом. Эта же тенденция продолжилась и в последующие годы XX века.

В период между Гражданской и Великой Отечественной войной были построены такие крупные промышленные объекты как ГРЭС, Сталинградский тракторный, судостроительный, метизный. В послевоенный период в Сталинграде (до 1961 года) – Волгограде (1961 год – по н.в.) появились проволочно-катаный завод, нефтеперерабатывающий, алюминиевый, химический, технического углерода, буровой техники. Нарастивание рабочих мест вело к росту численности населения. В 1901 году жителей было 70000, в 1941 – 500000, 1961 – 646000, на 1 января 1989 –

998894, а в мае этого же года родился миллионный житель, то есть за 90 лет население возросло в 14,3 раза. Такие изменения сопровождались расширением жилищного строительства и социальной инфраструктуры, которая группировалась вокруг возводимых предприятий и привела к формированию районов с замкнутым жизненным циклом – концентрацией на одной относительно небольшой локальной территории всех необходимых для жизнедеятельности условий – рабочие места, школы, больницы и т.п. Это привело к развитию города как совокупности монорайонов, не предполагавших значительных пассажиропотоков между ними. Кризисные явления 80-х годов XX века, связанные с недостаточным технологическим совершенствованием, не обошли Волгоград, изменив характер его развития.

1990 год – переход к рыночной экономике, конкуренция с зарубежными предприятиями, приватизация, сокращение рынков сбыта и объемов производства. Закрылись заводы-гиганты: тракторный, химический, судостроительный, метизный, существенно сократилось металлургическое производство. По переписи 2020 года число жителей Волгограда составило 1028036 человек [21], то есть рост за 30 лет в 1,026 раза. Среднегодовые темпы роста снизились с 0,159 до 0,0342 – в 4,7 раза. Миллионником город продолжает оставаться, но при этом территориально он увеличивается за счет присоединения близлежащих поселков.

Последние годы предприняты беспрецедентные меры для активизации инвестиционного процесса, который в прежние периоды был драйвером экономического развития. В 2022 году объем инвестиций в Волгоградскую область превысили 216 млрд. руб., став более чем на 30 млрд. руб. больше, чем в 2021 году. С 2014 года были реализованы инвестиционные проекты на сумму

311 млрд. руб., позволившие создать 9,2 тыс. рабочих мест [1]. Но из-за перехода к цифровой экономике, роботизации производства инвестиции перестают быть фактором роста численности населения. Ещё в 1980 году темпы роста фондовооруженности промышленно-производственного персонала составили 193 по сравнению с 1970 годом, принятым за 100 [17], и в настоящее время, эта величина составила 33,8 млн. руб. на рабочее место. То есть, если в XX веке, при прежних технологиях крупное производство являлось фактором роста и притяжения населения, то в настоящее время оно перестало выполнять эту роль, способствуя только увеличению валового регионального продукта (ВРП).

В настоящее время человечество перешло к новым технологиям – цифровым, позволяющим организовывать дистанционную удаленную работу. Поэтому в большей мере стали иметь значение масштаб не столько производства, сколько качество проживания, формирование инфраструктуры обслуживания населения. Появляются рабочие места с новым содержанием, а это притягивает людские ресурсы со все более разнообразными способностями. Начинает приобретать значение возможность реализации платформенной занятости в виде предоставления услуг такси, курьерской доставки, что предполагает концентрированность спроса на услуги и может реализовываться только в крупных городах. Для того, чтобы Волгоград развивался и становился все более крупной агломерацией нужно повышать качество среды проживания и уровень социального обслуживания, что будет способствовать концентрации спроса на предоставление различных услуг, расширению возможностей использования цифровых технологий.

Оценка влияния и значимости различных факторов на экономическое развитие территорий. Природные факторы в XX веке

до 1990 года играли роль в развитии Царицына-Сталинграда-Волгограда как основа для развития крупного производства, нуждающегося в эффективных способах поставки производимых товаров. Общественная ответственность устраняла конкуренцию, обеспечивала привлечение производственных и финансовых ресурсов, формируя крупные производства, имеющие не только межрегиональный, но и экспортный потенциал. С течением времени начали проявляться тенденции, которые ранее были свойственны развитию Сарепты. Социальные факторы стали являться тормозом для технологического развития. Переход к рыночной экономике привел к конкуренции, но теперь уже с более отдаленными территориями, стремлению к реализации частнособственнического интереса привела к снижению темпов роста экономического развития, банкротству и закрытию значительного числа крупных предприятий. Сокращение числа рабочих мест вызывает отток населения из Волгограда. В связи с ростом фондовооруженности одного рабочего места за счет инвестиций в промышленные предприятия стало создаваться меньше рабочих мест, чем при тех же объемах вложений в предыдущие годы. Изменение технологического уклада на основе цифровизации экономики для позитивного воздействия на экономическое развитие территории вызывает

необходимость вкладывать ресурсы не только в производственные процессы, но и в повышение качества жизни, привлекая на постоянное место жительства работающих удаленно. Более подробно изменения, происходящие в современной общественной жизни, связанные с развитием гиг-экономики, были всесторонне представлены на международной научно-практической конференции [16], где обсуждение показало, что и для применения этой технологии должны быть между собой взаимоувязаны рассмотренные в данном исследовании факторы экономического развития территорий.

Выводы и рекомендации. Природные факторы по характеру своего воздействия на развитие территории являются наиболее устойчивыми. Социальные и технологические в зависимости от уровня развития могут играть друг по отношению к другу различную роль – как сдерживающую, так и стимулирующую. Их анализ надо проводить комплексно, учитывая существующие связи и конкуренцию между населенными пунктами. Большое значение для эффективного развития имеют цели, поставленные перед территорией. В настоящее время они связаны с формированием условий реализации цифровой экономики и обеспечения возможностей осуществлять платформенную занятость.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В Волгоградской области приступили к строительству завода нержавеющей проката. 30.03.23. Официальный сайт Волгоградской областной Думы. URL: <https://volgoduma.ru/information/news/64068/?ysclid=Ifxoyd5llu434701687> (дата обращения 11.06.23)
2. Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов. о-во истории, археологии и этнографии. М., Саратов: Друкарь, 1923. 376 с.

3. Гессен Ю. И. История горнорабочих СССР. Вторая половина 19-го века. Т. 2. М.: Изд. ЦК Союза горнорабочих, 1929. 294 с.
4. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 2000. 496 с.
5. Иванова Т. Б., Клейтман А. Л. Современные проблемы экономического развития муниципалитетов и исторический опыт их решения // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. 2016. № 11 (93). С. 32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27339347>
6. Клаус А. А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб.: Тип. В. В. Нусвальта, 1869. 456 с.
7. Клейтман А. Л. История Камышина и Царицына в статистическом описании Саратовской губернии И. И. Поливанова (1785 год) // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. № 1 (13). С. 142–144.
8. Клушин А. А. Царицынские воеводы, коменданты и городничие (1589–1862) // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Том Выпуск 8. Волгоград: Издательство Царицынского Генеалогического Общества, 2015. С. 14–46.
9. Курышев А. В. Волжское казачье войско и повстанческое движение под предводительством Е. Пугачева // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2004. Выпуск 9. С. 54–72.
10. Курышев А. В., Парфенов А. Е. Эволюция общинного уклада колонии Сарепта на протяжении XIX века // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 43–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.5>
11. Луночкин А. В. Строительство Волго-Донской железной дороги (1859–1862) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 89–99. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.7>
12. Малов А. В. Царицынские службы и царицынские служилые люди в расходных книгах казенного двора. 123-й (1615/16) – 130-й (1621/22) годы // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 184–202. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.2.16
13. Медведев В. Н. Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX вв. / В. Н. Медведев // Сарепта. Историкоэтнографический вестник. Вып. 3. Волгоград: МИРИА, 2007. С. 92–126.
14. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 2. Лит. Д - К / Сост. А. Н. Минх. Саратов, 1898. С. 209–278.
15. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 4: Лит. X - 0 [Я] / Сост. А. Н. Минх. Саратов, 1902. С. 1093–1410.
16. Миронова С. М., Кожемякин Д. В. Трансформация правового регулирования общественных отношений в условиях гиг-экономики: обзор международной научно-практической конференции // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 2 (8). С. 79–87. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N2.pdf (дата обращения 11.06.23)
17. Народное хозяйство СССР в 1980 году. Статистический ежегодник. ЦСУ СССР, М.: Финансы и статистика, 1981. 583 с.
18. Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента Российской Федерации

ции № 14 от 16 января 2017 года. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420389221?marker=65A0IQ> (дата обращения 11.06.23)

19. Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 году. Санкт-Петербург: При М-ве внутр. дел, 1834. 67 с.

20. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т.6: Среднее и Нижнее Поволжье, и Заволжье: [Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии] / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, сост. П. А. Ососков [и др.]. СПб.: А. Ф. Девриен, 1901. 599 с.

21. Численность и размещение населения Волгоградской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года.

Том 1: сборник. Волгоград: Волгоградстат, 2023. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fvolgastat.gks.ru> (дата обращения 11.06.23)

22. Шульга И. И. Поволжские солевозчики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5 (24). С. 156–159.

23. Экономическая записка Царицынского Губплана и Губэкосо. О районировании Нижнего Поволжья // Отчет Царицынского губернского экономического совещания. Октябрь 1922 г. – март 1923 г. Царицын, типография ГСНХ, 1923. 184 с.

24. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Ч. 2. Санкт-Петербург: в типографии К. Вульфа, 1863. 870 с.

REFERENCES

1. *V Volgogradskoi oblasti pristupili k stroitelstvu zavoda nerzhaveiushchego prokata* [In the Volgograd region, the construction of a stainless steel rolling plant has begun]. URL: <https://volgoduma.ru/information/news/64068/?ysclid=lfxoyd5llu434701687> (accessed 30.03.23).

2. Geraklitov A. A. *Istoriia Saratovskogo kraia v XVI–XVIII vv.* [History of the Saratov region in the XVI–XVIII centuries. Saratov. about history, archeology and ethnography]. Moscow, Saratov: Drukar, 1923. 376 p.

3. Gessen Iu. I. *Istoriia gornorabochikh SSSR. Vtoraia polovina 19-go veka T. 2.* [History of miners of the USSR. The second half of the 19th century. Vol. 2.]. M.: Publishing House of the Central Committee of the Union of Miners, 1929. 294 p.

4. Ditts Ia. E. *Istoriia povolzhskikh nemtsev-kolonisto* [History of the Volga Germans-colonists]. M.: Gothic, 2000. 496 p.

5. Ivanova T. B., Kleitman A. L. *Sovremennye problemy ekonomicheskogo razvitiia munitsipalitetov i istoricheskii opyt ikh resheniia* [Modern problems of economic development of municipalities and historical experience of their solution]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Management of economic systems. Electronic scientific journal], 2016, no. 11 (93), p. 32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27339347>

6. Klaus A. A. *Nashi kolonii: Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoi kolonizatsii v Rossii. Vyp. 1* [Our colonies: Experiments and materials on the history and statistics of foreign colonization in Russia. Issue 1]. St. Petersburg: Publ. V. V. Nusvalt, 1869. 456 p.

7. Kleitman A. L. *Istoriia Kamyshina i Tsaritsyna v statisticheskom opisanii Saratovskoi gubernii I. I. Polivanova (1785 god)* [The history of Kamyshin and Tsaritsyn in the statistical description of the Saratov province of I. I. Polivanov (1785)]. *Vestnik VolGU. Seriya 4* [Bulletin

of the Volga. Series 4], 2008, no. 1 (13), p. 142–144.

8. Klushin A. A. *Tsaritsynskie voevody, komendanty i gorodnichie (1589-1862)* [Tsaritsyn voivodes, commandants and city officials (1589–1862)]. Volgograd: Publishing House of the Tsaritsyn Genealogical Society, 2015, pp. 14–46.

9. Kuryshv A. V. Volzhskoe kazache voisko i povstancheskoe dvizhenie pod predvoditelstvom E. Pugacheva [The Volga Cossack army and the insurgent movement led by E. Pugachev]. *Vestnik VolGU. Seriya 4* [Bulletin of the Volga. Series 4], 2004. Issue 9, pp. 54–72.

10. Kuryshv A. V., Parfenov A. E. The evolution of the communal way of life of the Sarepta colony during the XIX century. *Bulletin of the Volga. Series 4, History. Regional studies. International relations*. 2016. vol. 21. No. 3, pp. 43–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.5>

11. Lunochkin A. V. Construction of the Volga-Don railway (1859-1862). *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations*. 2018. vol. 23, No. 2, pp. 89–99. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.7>

12. Malov A. V. Tsaritsyn services and Tsaritsyn service people in the expense books of the state court. 123rd (1615/16) – 130th (1621/22) years. *Bulletin of the Volga. Series 4, History. Regional studies. International relations*. 2019. Vol. 24. No. 2. C. 184–202. DOI: [10.15688/jvolsu4.2019.2.16](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.16)

13. Medvedev V. N. *Migratsionnye protsessy naseleniia Sarepty. Vtoraia polovina XVIII – seredina XIX vv.* [Migration processes of the population of Sarepta. The second half of the XVIII – mid-XIX centuries]. Sarepta. Historico-ethnographic Bulletin. Issue 3. Volgograd: MIRIA, 2007, pp. 92–126.

14. Minkh A. N. *Istoriko-geograficheskii slovar Saratovskoi gubernii. T. 1. Iuzhnye*

uezdy: Kamyshinskii i Tsaritsynskii. Vyp. 2. Lit. D – K [Historical and geographical dictionary of Saratov province. Vol. 1. Southern counties: Kamyshinsky and Tsaritsynsky. Issue 2. Lit. D - K]. Saratov, 1898. pp. 209–278.

15. Minkh A. N. *Istoriko-geograficheskii slovar Saratovskoi gubernii. T. 1. Iuzhnye uezdy: Kamyshinskii i Tsaritsynskii. Vyp. 4: Lit. Kh - θ [Ia]* [Historical and geographical dictionary of Saratov province. Vol. 1. Southern counties: Kamyshinsky and Tsaritsynsky. Issue 4: Lit. X - θ [I]]. Saratov, 1902. From 1093–1410.

16. Mironova S. M., Kozhemiakin D. V. Transformatsiia pravovogo regulirovaniia obshchestvennykh otnoshenii v usloviakh gig-economiki: obzor mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Transformation of legal regulation of public relations in the conditions of gig economy: review of the international scientific and practical conference] // *Paradigmy upravleniia, ekonomiki i prava* [Paradigms of management, economics and law]. 2023. № 2 (8), pp. 79–87. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N2.pdf

17. *Narodnoe khoziaistvo SSSR v 1980 godu* [The national economy of the USSR in 1980]. M.: Finance and Statistics, 1981. 583 p.

18. *Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoi politiki regionalnogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi federatsii № 14 ot 16 ianvaria 2017 goda* [On the approval of the foundations of the state policy of regional development of the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the President of the Russian Federation No. 14 of January 16, 2017]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420389221?marker=65A0IQ>

19. *Obozrenie sostoianiia gorodov Rossiiskoi imperii v 1833 godu* [Review of the state of the cities of the Russian Empire in 1833]. St. Petersburg: At the Ministry of Internal Affairs, 1834. 67 p.

20. Ososkov P. A. *Rossia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastolnaia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei. T.6: Srednee i Nizhnee Povolzhe i Zavolzhe: [Kazanskaia, Simbirskaia, Samarskaia, Saratovskaia i Astrakhanskaia gubernii]* [Russia. A complete geographical description of our Fatherland: a desktop and travel book for Russian people. Vol. 6: Middle and Lower Volga and Zavolzhye: [Kazan, Simbirsk, Samara, Saratov and Astrakhan provinces]]. St. Petersburg: Publ. A. F. Devrien, 1901. 599 p.

21. *Chislennost i razmeshchenie nasele-niia Volgogradskoi oblasti. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2020 goda* [The number and location of the population of the Volgograd region. Results of the All-Russian Population Census in 2020]. Volgograd: Volgogradstat, 2023. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fvolgastat.gks.ru>

22. Shulga I. I. Povolzhskie solevozchiki [Volga salt carriers]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University], 2008, no. 5 (24), pp. 156–159.

23. *Ekonomicheskaja zapiska Tsaritsynskogo Gubplana i Gubekoso. O raionirovanii Nizhnego Povolzhia* [Economic note of the Tsaritsyn Gubplan and Gubekoso. About the zoning of the Lower Volga region]. Report of the Tsaritsyn Provincial Economic Meeting. October 1922 – March 1923. Tsaritsyn, GSNH printing house, 1923. 184 p.

24. *Ekonomicheskoe sostoianie gorodskikh poselenii Evropeiskoi Rossii v 1861–62 g. Ch.2* [The economic state of urban settlements in European Russia in 1861–62 Part 2]. St. Petersburg: in the printing house of K. Wolf, 1863. 870 p.

Информация об авторе

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Information about the Authors

Tat'jana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Corporate Management, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St. 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Для цитирования: Иванова Т. Б. Взаимодействие факторов экономического развития территорий (на примере Царицына, Дубовки, Сарепты с момента основания до конца XIX века и Царицына-Сталинграда-Волгограда в XX–XXI веке) // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 54–71. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N3.pdf

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONS

УДК 338.22.01

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА

Луиза Сайфуллоевна Махмудходжаева, Нигора Тулкуновна Талипова

Ташкентский филиала РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. *Введение.* Современный Узбекистан является частью мирового экономического сообщества, в этой связи происходящие интеграционные процессы на международном рынке требуют от хозяйствующих субъектов активного вхождения в мировое информационное сообщество, для этого в Узбекистане уделяется особое внимание вопросам развития ИКТ.

Методы. В работе используются различные методы изучения источников информации, позволяющие раскрыть некоторые теоретические вопросы, представить анализ концептуализации цифровой экономики в современном научном дискурсе и понимание того, как представлены в актуальных публикациях ее отдельные аспекты, а также наиболее аргументированные подходы.

Анализ. В статье авторами на теоретическом материале и международном опыте развития цифровой экономики анализируются условия, необходимые для технологического скачка. Выбор именно ИКТ обусловлен тем, что они являются признанными драйверами экономического роста и социального развития.

Результаты. Задача настоящего исследования проанализировать совокупное влияние конкретных технологий на социально-экономические процессы, что позволит раскрыть сущность цифровой экономики и ее развития в Узбекистане.

Ключевые слова: цифровизация, информация, экономика, национальная экономика, информационные технологии, модернизация, реформы, Республика Узбекистан.

UDC 338.22.01

DIGITAL ECONOMY AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF MODERN UZBEKISTAN

Luiza S. Makhmutkhodjaeva, Nigora T. Talipova

Tashkent branch of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov,
Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. Modern Uzbekistan is part of the world economic community, in this regard, the ongoing integration processes in the international market require business entities to actively enter the global information community, for this Uzbekistan pays special attention to the development of ICT.

Methods. The paper uses various methods of studying sources of information that allow revealing some theoretical issues, presenting an analysis of the conceptualization of the digital economy in modern scientific discourse and an understanding of how its individual aspects are presented in current publications, as well as the most reasoned approaches.

Analysis. In the article, the authors analyze the conditions necessary for a technological leap based on theoretical material and international experience in the development of the digital economy. The choice of ICT is due to the fact that they are recognized drivers of economic growth and social development.

Results. The objective of this study is to analyze the cumulative impact of specific technologies on socio-economic processes, which will reveal the essence of the digital economy and its development in Uzbekistan.

Keywords: digitalization, information, economics, national economy, information technologies, modernization, reforms, Republic of Uzbekistan.

Введение. Развитие цифровой экономики означает вступление страны в новую эру развития, в эру постиндустриального общества, что открывает неограниченные возможности для демократического развития общества, совершенствования управления страной и экономикой. В условиях функционирования цифровой экономики происходит замена физического труда интеллектуальным. Развитие цифровой экономики началось с цифровой революции – перехода от механической и аналоговой электронной технологии к цифровой электронике, которая появилась в конце 1950-х годов. Термин «цифровая экономика» относится именно к этим радикальным изменениям второй половины XX века.

Цифровая революция, аналогично сельскохозяйственной и промышленной революциям, ознаменовала начало новой, но уже информационной эры.

Мировой кризис COVID-19 и другие вопросы современности требуют поиска способов решения как страны будут взаимодействовать друг с другом. Как показала практика, в сложившейся сложной ситуации на первый план выдвинулись цифровые технологии, которые стали главными орудиями общения между людьми, продолжения обучения в учебных заведениях, взаимодействия между разными странами, что в определённой степени позволяет держать на плаву эко-

номику государств. До недавнего времени невозможно было представить такое явление, но сегодня, это становится объективной реальностью, требует постоянного изучения и совершенствования.

Развитие мировой экономической системы в современный период, основывается на множественных инновационных технологиях, стратегиях и программах модернизации различных отраслей и сфер экономики. Данные изменения находят свое отражение и в развитии национальной экономики Республики Узбекистан. Следует отметить, что реформы, проводимые в Узбекистане, направлены на модернизацию экономики страны, либерализацию всех сфер жизни общества, демократизацию государства и общества.

Методы. Значительное число зарубежных публикаций посвящено непосредственно технологическим аспектам внедрения цифровых технологий: большим данным, машинному обучению, интернету вещей, блокчейну, искусственному интеллекту, цифровым платформам в целом. В ходе проведения научного исследования, авторами был изучен целый ряд научных статей и литературных источников отечественных и зарубежных авторов. В экономической литературе можно встретить примеры организации цифровизации в различных отраслях. В своей статье Скляр и Кудрявцева [7] предлагают несколько вариантов цифровизации, а Керрвала представляет необходимым рассмотреть десять принципов построения сети для цифровизации, считает важным обсудить проблемы проведения цифровизации на отдельном предприятии. Для условий Узбекистана важным является выбор общей направленности цифровизации, где главным должен быть не показатель оцифровки, а экономическая эффективность производства.

Исследование феномена цифровой экономики за рубежом началось еще с середины 90-х гг. прошлого века. Особый интерес представляют работы зарубежных авторов:

Э. Бриньольфссона, Р. Бухта, Б. Йоханссона, Р. Хикса, Ч. Карлссона, Б. Кахина, М. Кастельса, Т. Мезенбурга, Н. Негропonte, Р. Стоу, М. Скилтона, Д. Тапскотта, С. Шармы.

По вопросам эффективного применения цифровых технологий в деятельности отраслей и сфер экономики, а также оценке их деятельности в едином экономическом комплексе, проанализированы работы таких авторов, как Антохова И. В., Горбашко Е. А., Добрынина А. П., Долженко А. И., Шполянской И. Ю., Глушенко С. А., Минашкина В. Г., и т.д.

Как уже отмечалось, идеей цифровой трансформации охвачен весь мир. Исследователи Узбекистана начали проявлять интерес к данной теме с 2017 года. Ряд авторов занимались вопросами исследования развития цифровой экономики в стране – Абдурахманов К. Х., Зокирова Н. К., Абдулаева М. С., Ходиев Б. Ю. Несмотря на издаваемые учебные пособия, научные статьи по обозначенной проблематике комплексный анализ цифровой экономики как объективного процесса развития экономических отношений в условиях глобализации Узбекистана отсутствует до настоящего времени [1]. Узбекистан не остается в стороне от глобальных тенденций, не случайно 2020 год в стране был объявлен Годом развития науки, просвещения и цифровой экономики, Президент Узбекистана предложил системную программу развития экономики, среди приоритетных направлений ведущая роль отводится цифровой экономике [4]. Вместе с тем, в период проведения исследования, авторами были изучены нормативно-правовые документы Узбекистана [5].

Несмотря на солидный задел исследований в данной сфере, анализ институциональных и социально-экономических условий развития Узбекистана в условиях цифровой трансформации изучена недостаточно,

что и обусловило проведение настоящего исследования.

Основная часть. Начало XXI века обусловлено активным внедрением процессов цифровизации в современную экономику на основе информационной и промышленной революции, а также процессов глобализации экономики. В настоящее время продолжается внедрение в экономику глобально конкурентоспособных цифровых технологий, в том числе передовых производственных, информационных, телекоммуникационных, а также систем искусственного интеллекта, виртуальной реальности, интернета вещей и, соответственно, трансформации экономики в цифровой формат или, иными словами, формирование цифровой экономики. Информация в обществе и процессах хозяйствования стала основным ресурсом. В настоящее время мы всё чаще сталкиваемся с такими словами: «криптовалюта», «виртуальная валюта», «цифровые деньги», «биткойны», «электронные кошельки», «альтернативные «деньги», «блокчейн» и т.д. Цифровая экономика затрагивает каждый аспект жизни: здравоохранение, образование, интернет-банкинг, правительство. Она получила развитие во всех высокоразвитых странах и начинает развиваться в Узбекистане.

Цифровизация становится важнейшим фактором экономического роста глобальной экономики. Происходит переход от внедрения отдельных цифровых технологий к комплексному построению цифровой экосистемы в рамках мировой и национальных экономик. Этот тренд отражает необходимость эффективного взаимодействия участников процесса цифровизации во всех странах – государственных органов власти, бизнеса, образовательных учреждений, промышленных предприятий и финансовых структур. Цифровизация национальной экономики уже стала

важной составляющей экономического развития большинства стран и становится институциональной основой устойчивого роста производства, повышения конкурентоспособности и уровня жизни граждан Узбекистана в ближайшем будущем.

В Республике Узбекистан за 2018–2020 гг. в этом направлении на законодательном, исполнительном и отраслевом уровнях проведена значительная работа: подписаны Указы Президента: «О дополнительных мерах по внедрению цифровой экономики, электронного правительства, а также информационных систем в государственном управлении Республики Узбекистан», «Об утверждении «Дорожной карты» основных направлений структурных реформ Республики Узбекистан на период 2019–2021 годов»; «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан 2030» и мерах по её эффективной реализации»; в июле 2018 г. принято Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан»; разрабатывается Программа «цифровой Узбекистан 2030». На основании Указа Президента РУз от 10 января 2019 года при национальном агентстве проектного управления при Президенте РУз создан Центр управления проектами электронного правительства и цифровой экономики. Создан Экономический совет по структурным реформам в стране на период 2019–2021 гг.; широко внедряется система «электронное правительство» для обеспечения открытости, прозрачности и эффективности во всех сферах; в городе Ташкенте начато строительство Технологического парка программных продуктов и информационных технологий; в 2020–2024 годах намечено организовать филиалы технопарка в 14 регионах, втрое увеличить число резидентов и довести число работников до 40 тысяч; вынесен на общественное

обсуждение вопроса о переименовании Министерства по развитию информационных технологий и коммуникаций в Министерство цифрового развития.

В Узбекистане ведется активная работа по цифровизации национальной экономики, но страна по-прежнему уступает странам-лидерам по уровню цифровой трансформации. В ходе совещания по вопросам развития сферы информационных технологий и создания необходимой для этого современной инфраструктуры Президент Ш. Мирзиёев [3] отметил, что вклад цифровой экономики в валовой внутренний продукт США составляет 10,9 %, в Китае этот показатель составляет 10 %, в Индии – 5,5 %, а в Узбекистане эта цифра не превышает 2 %.

Осмысление феномена цифровой экономики, исследование её фундаментальных и прикладных основ, могут быть заложены в основу управленческих концепций и решений, а также позволят выявить связанные с ней преимущества и предотвратить возможные риски в процессе формирования цифровой экономики в Республике Узбекистан.

Современный Узбекистан является частью мирового экономического сообщества, происходящие интеграционные процессы на международном рынке требуют активного вхождения в мировое информационное сообщество. Для этого в Узбекистане уделяется особое внимание вопросам развития ИКТ и следует отметить, что с начала 90-х гг. рынок ИКТ Узбекистана формировался как отдельный сегмент в экономике. События последнего десятилетия предоставили огромное количество доказательств реальной значимости ИКТ для образа жизни народа. Узбекистан начал уделять приоритетное внимание развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровизации еще в начале 2000-х годов. К примеру, в стране

были инициированы «Комплексная программа развития Национальной информационно-коммуникационной системы Республики Узбекистан на период 2013–2020 годы», Стратегия «Цифровой Узбекистан-2030», направленные на осуществление цифровой трансформации в национальной экономике, промышленности и обществе в целом. Приоритетные меры по внедрению ИКТ в экономику, социальную сферу и системы управления нашли отражение в Указе Президента Узбекистана «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» [8], в части «Развитие и либерализация экономики» Стратегии действий особо были выделены: ускоренное развитие сферы услуг, повышение роли и доли услуг в формировании валового внутреннего продукта, кардинальное изменение структуры предоставляемых услуг, прежде всего за счет современных высокотехнологичных видов услуг; дальнейшее развитие дорожно-транспортной инфраструктуры, внедрение информационно-коммуникационных технологий в экономику, социальную сферу и системы управления. «Стратегия развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы» [9], стала логическим продолжением курса страны.

В новой Стратегии развития была определена цифровизация ряда важных сфер, таких как государственные услуги; судебная система; правоохранительные органы; система управления дорожным движением; система здравоохранения; социальные услуги; банковский и сельскохозяйственный секторы и другие основные сферы национальной экономики. В частности, совершенствование электронного правительства Узбекистана и доведение доли электронных государственных услуг до 100 %, внедрение системы Mobile ID-идентификации лица при оказании

государственных услуг, внедрение «цифрового паспорта граждан» и проект «цифровой орган» были приоритетными для цифровизации государственного управления и оптимизации административных процедур на центральном и местном уровнях. При сохранении стабильных темпов роста к 2030 году, планируется достичь ВВП на душу населения равному 4000 дол. США и войти в группу стран с «доходом выше среднего». В связи с этим в качестве основного «драйвера» также определено развитие цифровой экономики с увеличением ее доли не менее чем в 2,5 раза к концу 2026 года. Планируется увеличить объемы производства программных продуктов в 5 раз, а их экспорта – в 10 раз, до 500 млн долларов США, а также довести уровень цифровизации процессов в финансовом и банковском секторах – до 70 %. Кроме того, уделяется приоритет цифровизации городского планирования и строительства, развитие их в рамках концепции «Умный город».

Развитие сектора ИКТ может повысить конкурентоспособность отечественной экономики на мировом рынке, а также будет способствовать выводу страны на новый уровень развития, который характеризуется интенсивными структурными сдвигами в пользу высокотехнологичного информационного сектора, позволяющего без значительных капитальных затрат решать сложные экономические и прочие задачи не только в масштабе государства, но и на уровне предприятий, организаций, фирм.

В обществе имеется стабильный интерес к использованию ИКТ и, как следствие, наблюдается устойчивый рост показателей спроса на услуги Интернет. Вместе с тем уровень информированности населения о возможностях ИКТ остается недостаточным. У отдельной части населения все ещё сохраняются психологические барьеры по использо-

ванию услуг ИКТ. К примеру, в отчетах Организации экономического сотрудничества и развития приведен анализ влияния уровня образования на пользование интернетом среди населения в возрасте 55–74 лет как в экономически развитых, так и развивающихся странах [10, 11].

За последние 10 лет рынок ИКТ Узбекистана видоизменился в значительной степени посредством реализации проектов по модернизации и развитию телекоммуникационной сети по всей республике. Система телекоммуникаций Узбекистана имеет прямые международные каналы по 28 направлениям с выходом на 180 стран мира, при этом используются опτικο-волоконные и спутниковые системы. Во всех областных центрах республики установлены цифровые междугородные станции, осуществлена прокладка опτικο-волоконных кабелей и цифровых радиорелейных линий на магистральных междугородных и внутриобластных линиях связи, проведена модернизация и установка телевизионных и радиопередатчиков, внедрена система беспроводного радиодоступа стандарта CDMA. Уровень охвата цифровыми сетями телекоммуникаций городов и районных центров республики достиг 100 %, уровень охвата сельских населенных пунктов сетями телекоммуникаций составляет 90 %, в т.ч. цифровыми – 52 %.

Следует отметить, что мировая практика по внедрению ИКТ-решений в госорганы и электронное правительство показывает, что это долгий и непрерывный процесс, требующий стратегического подхода, внимание государства и инвестиций [6]. Использование ИКТ в государственном управлении предоставляет хорошие возможности для улучшения взаимодействия правительства с населением и коммерческими организациями, а также для повышения эффективности

деятельности самих государственных органов. В связи с этим, Правительство страны уделяет особое внимание развитию и широкому использованию ИКТ в государственном управлении.

Расширение применения информационных технологий в государственном секторе, развитие электронных услуг и инвестиции в инфраструктуру способствуют более широкому применению информационных технологий в частном секторе и станут катализатором их распространения в корпоративном секторе. Широкомасштабная реализация концепции открытых данных обеспечит базу для развития новых информационных сервисов и повышение эффективности и удобства доступа к информационным системам со стороны населения. За последние годы в Узбекистане были реализованы различные аспекты развития электронного правительства, а дальнейшая информатизация важнейших отраслей экономики и реализация государственных проектов по развитию информационных технологий простимулируют создание новых и развитие существующих направлений бизнеса, что может привести к формированию прорывных технологий в рамках отраслевых решений.

Последовательное внедрение в Узбекистане системы электронного документооборота «e-Hujjat», объединяющей в себе на данный момент базы данных более 150 организаций, формируют платформу для успешной практической реализации еще одного магистрального тренда сервиса, электронного правительства - индивидуализации пакетов услуг в соответствии с набором компонентов по заказу каждого отдельно взятого юридического и физического лица-потребителя. Уже сегодня успешно функционируют отдельные элементы данной системы, в частности:

- национальная база законодательства Республики Узбекистан, содержащая в

себе более 32,6 тыс. нормативно-правовых актов;

- портал налогоплательщика, обеспечивающего прием и обработку электронной налоговой отчетности, которым уже пользуются 99 % всех предпринимателей;

- единый портал лицензиата, в котором доступна полная информация о перечне лицензируемых видов деятельности и разрешительных процедур, а также требуемых документов для получения лицензий и разрешений;

- единый портал декларантов, через который с начала года 99 % всех грузовых таможенных деклараций оформлено в электронном виде;

- автоматизированная система электронной статистической отчетности «e-Stat», доля резервирования фирменных наименований в электронном порядке достигла 97 %;

- портал коммунального хозяйства и жилищного фонда предоставляет целый спектр услуг в сфере ЖКХ, включая прием и обработку жалоб, оплату коммунальных услуг, а также информацию о тарифах;

- информационная системы E-Visa, доля оформленных иностранцам виз в Узбекистан в электронном виде превысила 90 %;

- более 35 тыс. исковых заявлений и ходатайств в хозяйственные суды были поданы в электронном виде через внедренную систему e-Sud.

Следует отметить и роль международных организаций в развитии ИКТ в Узбекистане. Так, Всемирный банк совместно с Министерством по развитию информационных технологий и коммуникаций намерены реализовать совместные проекты в области цифровой экономики и электронного правительства. Кроме того, планируется участвовать в региональном проекте Digital CASA, который с помощью трансграничных телекоммуникационных сетей свяжет страны Центральной и

Южной Азии в единый цифровой хаб. По мнению экспертов этот проект улучшит доступ в интернет в странах, где нет выхода к морю. Также Всемирным банком выражена готовность по оказанию содействия министерству в разработке программных продуктов, развития почтовой отрасли и подготовке IT-специалистов [2].

Реформы, проводимые в Узбекистане, уже приносят результаты, подтверждаемые макроэкономическими показателями. В соответствии с предварительной оценкой, в 2021 году валовой внутренний продукт (ВВП) Республики Узбекистан в текущих ценах составил 734 587,7 млрд. сум и, что по сравнению с 2020 годом, составляет рост в реальном выражении на 7,4 %. За последние пять лет (2017–2021 гг.) ВВП страны увеличился в реальном выражении на 27,2 %, при этом среднегодовой рост экономики за 2017–2021 годы составил 5,0 %. ВВП страны по паритету покупательной способности (ППС) за 2021 год составил 297,6 млрд. долл. США, данный показатель имеет тенденцию к росту.

Таким образом необходимо отметить, что развитие цифровой экономики открывает безграничные возможности, но, в развитии цифровой экономики кроются очевидные вызовы и угрозы отстающим, такие как:

- высокий риск информационной безопасности;
 - угроза сокращения рабочих мест.
- Переход на цифровую экономику затрудняет и использование зарубежного софта и др.
- высокий риск и уровень неопределенности при принятии стратегических решений. Подобная ситуация связана со свойственной цифровой экономике неустойчивой конъюнктурой, обусловленной динамичными изменениями на технологическом уровне, ростом интенсивности конкуренции и сокращением жизненного цикла товаров и услуг.

Заключение. Необходимо отметить, что в условиях рыночной экономики ключевыми приоритетами социально-экономического развития страны становится диверсификация, предполагающая снижение сырьевой зависимости, развитие отраслей с высокой долей добавленной стоимости, а также освоение высокотехнологичных производств. В Республике Узбекистан создаются необходимые условия для активного развития цифровой экономики – общественно-экономической системы, где воспроизводственный процесс осуществляется на основе цифровых технологий, движущими силами которых выступают данные и информация. Следует констатировать, что сегодня сфера цифровых технологий является одной из быстроразвивающихся в мировой экономике, являясь как двигателем экономического роста, так и сектором, который уже значительно изменил и трансформировал экономические процессы в других отраслях и продолжает оказывать влияние на формирование нового типа экономики, основанного на знаниях, использовании информации и продуктов интеллектуального труда человека. В свою очередь развитие цифровой экономики в Узбекистане способствует развитию цифровой грамотности населения, новых цифровых инструментов, оптимальной организации коммуникационных процессов в обществе на основе использования интеллектуальных технологий, робототехники, технологии открытых и больших данных, блокчейн, разработки и внедрения различных технологических платформ, что в конечном итоге способствует повышению конкурентоспособности страны на экономическом рынке.

Таким образом, программа цифровая экономика – не просто крупный локальный

проект, это важный судьбоносный выбор и вызов для Республики Узбекистан. Основная задача – не просто достичь высокого уровня бла-

госостояния, а войти в список развитых государств мира, для Узбекистана это возможность доказать свою независимость и суверенность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдуллаева М. С. Теоретические аспекты определения, развития цифровой экономики и её зарождение в Республике Узбекистан // Логистика и экономика. 2020. № 6. С. 21–27.

2. Всемирный банк поможет внедрить цифровую экономику в Узбекистане. URL: <http://post-novosty.ru/srednaya-aziya/uzbekistan/161717-Vsemirnyjj-bank-pomozhet.html> (дата обращения 20.06.2023).

3. Мирзиёев Ш. М. Доклад на совещании по вопросам развития сферы информационных технологий и создания для них современной инфраструктуры. 13.02.2020. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения 25.06.2023).

4. Мирзиёев Ш. М. Послание к Сенату и Законодательной палате Олий Мажлиса. Т.: 24.01.2020. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения 20.06.2023).

5. Постановление Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 года № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан», Указ Президента Республики Узбекистан от 21 сентября 2018 года № УП-5544 «О стратегии инновационного развития Республики Узбекистан в 2019–2021 годах», Постановлении Президента Республики Узбекистан от 17 марта 2020 года № 4642 «О мерах по широкому внедрению цифровых технологий в городе Ташкенте» и Постановлении Президента Республики Узбекистан от 28 апреля 2020 года № 4699 «О мерах по широкому внедрению цифровой экономики и электронного правительства». База данных нормативно-

правовых актов. URL: <http://nihol.uz/web/projects/238/> (дата обращения 20.06.2023).

6. Сатаров Ш. Дирижер информационных систем // Народное слово. 15 октября 2017 г. С. 3.

7. Скляр М. А., Кудрявцева К. В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 103–114.

8. Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» за № 4947 от 7 февраля 2017 г. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <http://nihol.uz/web/projects/238/> (дата обращения 20.06.2023).

9. Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 О стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения 25.06.2023).

10. Ходиев Б. Ю. Узбекистан: построение «цифровой экономики» // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 12. С. 3–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uzbekistan-postroenie-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения 20.06.2023).

11. Талипова Н. Т. Цифровая экономика в будущем информационном пространстве // Современные проблемы, тенденции и перспективы социально-экономического развития. Институт экономики и управления СурГУ. Сургут, 2021. С. 166–169.

REFERENCES

1. Abdullaeva M. S. Teoreticheskie aspekty opredeleniya, razvitiya tsifrovoy ekonomiki i ee zarozhdenie v Respublike Uzbekistan // Logistika i ekonomika. 2020. № 6. S. 21–27.
2. Vsemirnyy bank pomozhet vnedrit' tsifrovuyu ekonomiku v Uzbekistane. URL: <http://post-novosty.ru/srednaya-aziya/uzbekistan/161717-Vsemirnyjj-bank-pomozhet.html> (data obrashcheniya 20.06.2023).
3. Mirzieev Sh. M. Doklad na soveshchaniy po voprosam razvitiya sfery informatsionnykh tekhnologiy i sozdaniya dlya nikh sovremennoy infrastruktury. 13.02.2020. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (data obrashcheniya 25.06.2023).
4. Mirzieev Sh. M. Poslanie k Senatu i Zakonodatel'noy palate Oliy Mazhlisa. T.: 24.01.2020. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (data obrashcheniya 20.06.2023).
5. Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 3 iyulya 2018 goda № PP-3832 «O merakh po razvitiyu tsifrovoy ekonomiki v Respublike Uzbekistan», Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 21 sentyabrya 2018 goda № UP-5544 «O strategii innovatsionnogo razvitiya Respubliki Uzbekistan v 2019–2021 godakh», Postanovlenii Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 17 marta 2020 goda № 4642 «O merakh po shirokomu vnedreniyu tsifrovyykh tekhnologiy v gorode Tashkente» i Postanovlenii Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 28 aprelya 2020 goda № 4699 «O merakh po shirokomu vnedreniyu tsifrovoy ekonomiki i elektronnoy upravitel'stva». Baza dannykh normativno-pravovykh aktov. URL: <http://nihol.uz/web/projects/238/> (data obrashcheniya 20.06.2023).
6. Satarov Sh. Dirizher informatsionnykh sistem // Narodnoe slovo. 15 oktyabrya 2017 g. S. 3.
7. Sklyar M. A., Kudryavtseva K. V. Tsifrovizatsiya: osnovnye napravleniya, preimushchestva i riski // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2019. № 3 (61). S. 103–114.
8. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan «O strategii deystviy po dal'neysheму razvitiyu Respubliki Uzbekistan» za № 4947 ot 7 fevralya 2017 g. Natsional'naya baza dannykh zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan. URL: <http://nihol.uz/web/projects/238/> (data obrashcheniya 20.06.2023).
9. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan, ot 28.01.2022 g. № UP-60 O strategii razvitiya novogo Uzbekistana na 2022–2026 gody. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (data obrashcheniya 25.06.2023).
10. Khodiev B. Yu. Uzbekistan: postroenie «tsifrovoy ekonomiki» // Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik. 2017. № 12. S. 3–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uzbekistan-postroenie-tsifrovoy-ekonomiki> (data obrashcheniya 20.06.2023).
11. Talipova N. T. Tsifrovaya ekonomika v budushchem informatsionnom prostranstve // Sovremennye problemy, tendentsii i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Institut ekonomiki i upravleniya SurGU. Surgut, 2021. S. 166–169.

Информация об авторах

Луиза Сайфулловна Махмутходжаева, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Международная экономика и бизнес» Ташкентского филиала «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахрибод, дом 3, food-system@yandex.ru

Нигора Тулкуновна Талипова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международная экономика», Ташкентского филиала РЭУ имени Г. В. Плеханова, 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, nigoratal@gmail.com

Information about Authors

Luiza S. Makhmutkhodjaeva, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of International Economics and Business, Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, food-system@yandex.ru

Nigora T. Talipova, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of International Economics, Tashkent branch of the G.V. Plekhanov Russian University of Economics, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, nigoratal@gmail.com

Для цитирования: Махмутходжаева Л. С., Талипова Н. Т. Цифровая экономика как важная составляющая экономического развития современного Узбекистана // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 72–82. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N3.pdf

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

THEORY OF ECONOMIC ANALYSIS

УДК 338.22

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПОЛИТИКИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

Елена Николаевна Федюнина

Прикаспийский аграрный федеральный научный центр Российской академии наук
с. Солёное Займище, Астраханская область, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье предлагается рассмотреть основные подходы к формированию стабилизационной политики, представленных в рамках различных альтернативных экономических школ, что позволяет формировать концепцию стабилизации макроэкономики с учетом современных реалий на основе применения гибридной модели макроэкономической стабилизации.

Материалы и методы. Используемые методы компаративного и сравнительного анализа позволяют систематизировать выбор инструментов регулирования экономикой, представленных в различных экономических школах, и обосновать возможности их применения в современных условиях развития экономики.

Дискуссия. Компаративный анализ проводится на критическом осмыслении сущности, необходимости стабилизационной политики, инструментов ее реализации, особенностей краткосрочной и долгосрочной стабилизации в открытой и закрытой экономике, что позволяет определить преимущества и недостатки кейнсианского, монетарного, неоклассического, институционального подходов, а также способов проведения стабилизации в условиях трансформации экономической системы («шоковая терапия»). Обращается внимание, что стабилизационная политика носит как краткосрочный, так и долгосрочный характер, реализуется в конкретных экономических и институциональных условиях, требующих выбора особого набора инструментов воздействия с определением их вектора направленности.

Заключение. Предлагается гибридная модель макроэкономической стабилизации, направленная на достижение двойного равновесия, с выбором определенных регуляторов и направленностью их воздействия: ключевая ставка, процентная ставка, трансферты, страховые выплаты, налоговая ставка, институты стабилизации и изменение формальных правил.

Ключевые слова: стабилизация, регуляторы, экономические школы, экономическая политика, гибридная модель стабилизации.

UDC 338.22

BASIC APPROACHES TO POLICY FORMATION MACROECONOMIC STABILIZATION

Elena N. Fedyunina

Caspian Agrarian Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Saline Zaymishche village, Astrakhan region, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article proposes to consider the main approaches to the formation of stabilization policy presented within the framework of various alternative economic schools, which allows us to form the concept of stabilization of macroeconomics taking into account modern realities based on the use of a hybrid model of macroeconomic stabilization.

Materials and methods. The methods of comparative and comparative analysis used make it possible to systematize the choice of economic regulation tools presented in various economic schools and to substantiate the possibilities of their application in modern conditions of economic development.

Discussion. The comparative analysis is based on a critical understanding of the essence, the need for stabilization policy, the tools for its implementation, the features of short- and long-term stabilization in an open and closed economy, which makes it possible to determine the advantages and disadvantages of Keynesian, monetary, neoclassical, institutional approaches, as well as ways of stabilization in the conditions of transformation of the economic system («shock therapy»). Attention is drawn to the fact that the stabilization policy is both short-term and long-term in nature, implemented in specific economic and institutional conditions that require the choice of a special set of instruments of influence with the definition of their direction vector.

Conclusion. A hybrid model of macroeconomic stabilization is proposed, aimed at achieving double equilibrium, with the choice of certain regulators and the direction of their impact: key rate, interest rate, transfers, insurance payments, tax rate, stabilization institutions and changes in formal rules.

Keywords: stabilization, regulators, economic schools, economic policy, hybrid model of stabilization.

Введение. В экономической теории формировались различные подходы относительно способов достижения стабилизации макроэкономики, для которых характерны определенные инструменты регулирования экономикой с целью достижения как общего, так и двойного равновесия.

В современной экономике актуален как кейнсианский подход к формированию модели стабилизации на основе проведения политики фискальной экспансии в условиях

кризиса, целью которой является преодоление циклического кризиса с помощью увеличения государственных расходов и снижения налогов, так и монетарный подход, предусматривающий достижения стабилизации с помощью манипулирования ключевой ставкой.

В условиях структурных изменений экономики определенный интерес представляет собой неоклассический подход, рассматривающий производственную стабилизацию

в текущем периоде времени и будущем с учетом рациональных ожиданий. Особо актуальным становится институциональный подход, предполагающий изменение формальных правил, формирование новых институтов, способствующих реализации стабилизационной политики.

В современной экономике в условиях глубокого мирового кризиса появляется необходимость разрабатывать новые инструменты воздействия на макроэкономическую ситуацию к формированию механизма стабилизации. В этих условиях, на наш взгляд, более востребованной становится гибридная модель стабилизации, для которой характерно манипулирование ключевой ставкой, увеличение трансфертов, ввод налоговых каникул, изменение (повышение и понижение) налоговых ставок и направлений логистических цепочек, а также поиск новых внешних рынков для сбыта.

Материалы и методы исследования.

В качестве материалов исследования послужили научные публикации представителей различных экономических школ: кейнсианской, монетарной, неоклассической, институциональной, в которых рассматриваются различные подходы к формированию модели макроэкономической стабилизации. В связи с этим применяется компаративный, системный, сравнительный методы исследования с целью выявления возможностей применения этих подходов к формированию современной концепции стабилизационной политики.

Дискуссия. С точки зрения кейнсианской и неоклассической экономической теории, стабилизационная политика в любой экономике направлена на восстановление потенциального объема выпуска, обеспечения уровня полной занятости, достижения платежного баланса и равновесия в макроэкономике. В зависимости от состояния экономики

(кризис или рост) стабилизационная политика призвана предотвращать или сдерживать спады в экономике, при этом закреплять и поддерживать основные показатели, параметры функционирования экономики. Однако макроэкономика может находиться не только в состоянии циклических колебаний, но и в переходном состоянии, когда экономическая система подвергается структурной трансформации, что обуславливает необходимость поиска новых подходов к решению данной проблемы.

Ретроспективный анализ экономической литературы показывает, что необходимость формирования и реализации стабилизационной политики возникла в 30-е годы XX в. в США, когда страна была подвержена Великой депрессии и развеялся миф о самодостаточности рыночной системы. Основоположником концепции стабилизации экономики является Дж. М. Кейнс, который в своей знаменитой работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.), совершив революцию в методологии экономической теории, обосновал роль, целесообразность и необходимость вмешательства государства в экономику [4; 8].

Дж. М. Кейнс рассматривал стабилизацию как систему государственных мер, направленных на достижение равновесия в условиях неполной занятости, при этом основной упор он делал на политику фискальной экспансии или стимулирующую бюджетно-налоговую политику. Такая политика предусматривает преодоление циклических спадов в экономике с помощью увеличения государственных расходов и снижения налогов (табл. 1). Он основывался на идее о том, что в краткосрочном периоде принятые меры по регулированию макроэкономики способствуют проявлению эффектов мультипликаторов государственных расходов, налогов и

сбалансированного бюджета, что в долгосрочном периоде может привести к снижению налогов, расширению предложения, по-

вышению экономического роста и формированию условий для нового уровня стабилизации.

Таблица 1

Альтернативные подходы к формированию стабилизационной политики

Подходы к стабилизации	Представители	Типы стабилизации	Инструменты стабилизации
Кейнсианский	Дж. М. Кейнс	Стабилизация занятости	Реальная заработная плата, процентная ставка, налоговая ставка, трансферты
Монетарный	М. Фридмен, Дж. Сакс	Финансовая	Процентная и ключевая ставка, трансферты, социальные программы, эмиссия денег
Неоклассический	Р. Лукас, Т. Сарджент, Р. Баррроу	Производственная	Заработная плата, инвестиции, налоговая ставка
Институциональный	Г. Саймон, О. Уильямсон, Дж. Гэлбрэйт, Г. Б. Клейнер	Институциональная	Формирование новых институтов и их функций, формальных правил
«Шоковой терапии»	Я. Корнаи, Л. Бальцерович, Е. Т. Гайдар, В. А. Мау	Финансовая и структурная трансформация	Институциональные преобразования (приватизация, либерализация цен, финансовая стабилизация)

В монетарной экономической теории приоритетным направлением стабилизации экономики является финансовая стабилизация, которая отождествляется с макростабилизацией [8; 9]. В этой модели центральное место занимает монетарная, антиинфляционная политика и социальные программы, поэтому в качестве основного инструментария применяется ключевая ставка, внутренняя и внешняя процентная ставка, эмиссия денег, выпуск ценных бумаг, государственный долг (табл. 1). Однако эти меры способствуют только стабилизации экономики в краткосрочном периоде и, если не применять параллельно меры производственной стабилизации, то в долгосрочном периоде в экономике может наблюдаться новый уровень инфляции, снижения уровня ВВП, обесценивание

национальной валюты, поскольку эмиссия денег не подкрепляется ростом производства, при этом увеличиваются размеры внешнего и внутреннего государственного долга.

В неоклассической модели стабилизации номинальная заработная плата является гибкой величиной как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах, поэтому появляется возможность манипулировать ее величиной в процессе стабилизации. Следует отметить, что теоретической основой модели стабилизации производства послужили, с одной стороны, монетарная теория адаптивных ожиданий М. Фридмана, а, с другой стороны, неоклассические теории рациональных ожиданий и несовершенной информации Р. Э. Лукаса [8]. Такой подход позволяет определить будущие возможности макроэкономики

и сформировать модель стабилизации долгосрочной экономики. В этой связи анализируются три основные компоненты совокупного предложения: производственная функция, кривая Филлипса и рынок труда, что позволяет рассматривать взаимосвязи между результатами производства и производственными факторами, между инфляцией и безработицей и взаимосвязь «цены-затраты».

В реальной экономике изменение цен приводит к временным отклонениям величины ВВП и занятости от равновесных показателей. В качестве основных причин отклонения в современных моделях совокупного предложения рассматриваются жесткость номинальной заработной платы, обусловленная институциональными условиями функционирования рынка труда, величина минимальной заработной платы, установленная государством, и характер новых соглашений между работниками и фирмами, поэтому при стабилизации совокупного предложения необходимо учитывать следующие моменты: в условиях гибких цен и жесткой заработной платы величина совокупного предложения зависит от уровня цен. Учитывая данные обстоятельства, при формировании модели стабилизации совокупного предложения следует при выборе инструментов воздействия на циклические колебания экономики рассматривать временной период и взаимосвязи в экономике.

Следует отметить, что в неоклассической модели заложены основы институционального подхода стабилизации макроэкономики, обуславливающие необходимость государственного регулирования путем изменений формальных правил, обеспечивающих условия стабилизации, формирования новых институтов, способствующих финансовой обеспеченности данного процесса (например, формирование стабилизационного фонда в

России). В качестве инструментария стабилизации рассматриваются минимальная заработная плата, социальные трансферты, субсидии, субсидированные кредиты и снижение налоговых ставок для системообразующих предприятий [3; 5].

Модель «шоковой терапии» основана на концепциях представителей монетарной и институциональной школ. В условиях трансформации экономической системы приоритетным направлением при таком подходе считается финансовая стабилизация. В качестве основных элементов стабилизационной политики выступают приватизация, которая осуществляется в условиях институциональных преобразований, либерализация цен, процентная ставка и увеличение внешнего государственного долга. При этом Я. Корнаи считал, что в условиях либерализации цен необходимо жестко соблюдать процедуру своевременной выдачи заработной платы, что позволило бы сохранить текущие доходы населения [6]. Для этой модели характерно высокий уровень радикализма, предполагающий одновременные разрушения прежней экономической системы в условиях проведения реформы, формирование новых институтов, кардинально отличающихся по своим функциям от прежних.

На основе институционального подхода в градуалистской модели «шоковой терапии» на первый план выдвигается проблема пересмотра и обновления функции государственных институтов при снижении роли государства в экономике. В этой модели либерализация экономики предполагает расширение самостоятельности предприятий разных форм собственности, а макростабилизация предусматривает структурную перестройку производства [1; 7].

В зависимости от типа инфляции спроса или предложения, а также инфляцион-

ных ожиданий предлагается два варианта стабилизации: ортодоксальный или гетеродоксальный. Ортодоксальный подход предусматривает сокращение дефицита государственного бюджета, государственных расходов и ужесточение налоговой, кредитно-денежной политики. Ортодоксальная программа ориентирована в основном на действие рыночных регуляторов – либерализацию цен при ограничениях роста заработной платы и практически всех сфер хозяйственной деятельности, включая внешнеэкономическую, что создает особенно жесткие конкурентные условия для отечественных предприятий. Действия государства ограничиваются проблемами сбалансированного бюджета (что связывается с ограничениями государственных расходов) и поддержания темпов прироста денежной массы, соответствующих росту реального выпуска. В этой модели стабилизационная политика осуществляется за счет рыночных регуляторов и жестких монетарных способов регулирования с целью сокращения совокупного спроса, и сбалансирования совокупного спроса и предложения.

Гетеродоксальный подход предусматривает проведение политики стабилизации цен и доходов. При таком подходе в качестве основной причины дестабилизации экономики рассматривается не только инфляция спроса, но и инфляция издержек, в связи с этим необходимо не только ограничивать совокупный спрос, но и одновременно стимулировать совокупное предложение. Гетеродоксальная стабилизационная политика предполагает возможность временного ограничения роста доходов, переход от монетизации дефицита, т.е. его эмиссионного покрытия, к долговому финансированию с помощью выпуска государственных ценных бумаг. Специфика стабилизационной политики в условиях трансформации экономической системы состоит в том, что достижение

стабилизации экономики осуществляется в условиях либерализации цен, перехода экономической системы в противоположное качественное состояние, что обуславливает необходимость выбора модели стабилизационной политики с учетом институциональных преобразований и временного периода стабилизации.

Таким образом, несмотря на различные подходы механизм макростабилизации основывается на взаимодействии естественных (встроенных) и искусственных стабилизаторов в закрытой экономике [10]. При этом автоматический стабилизатор рассматривается как встроенный, способствующий снижению амплитуды циклических колебаний. В качестве автоматического стабилизатора рассматривается прогрессивная система налогообложения, государственные трансферты и страхование от безработицы.

В открытой экономике стабилизационная политика направлена на обеспечение двойного равновесия, что предполагает внутреннее равновесие за счет обеспечения равновесного выпуска потенциального ВВП, внешнее равновесие на основе достижения равновесия платежного баланса. Эффект стабилизации в открытой экономике зависит от режима валютных курсов и степени мобильности капитала. При этом при фиксированном обменном курсе валют внутреннее равновесие достигается методами фискальной политики, а внешнее – инструментами кредитно-денежной политики регулирования платежного баланса. В условиях плавающего валютного курса Центральный Банк играет определенную роль в стабилизационной политике за счет финансирования дефицита платежного баланса и поддержания неизменного курса национальной валюты: сокращает валютные резервы, сжимает денежную массу, содействует поддержанию режима плавающих курсов.

В условиях ввода экономических санкций и мирового экономического кризиса меняется подход к формированию политики стабилизации и выбора инструментов регулирования [2]. На стабилизационный процесс имеют особенное воздействие структурные изменения макроэкономики стран-партнеров. Так, например, ввод экономических санкций против России, чья экономика тесно связана ресурсными потоками с экономикой других стран, подвергает разрушению торгово-экономические связи между странами-партнерами и размыванию производственной структуры экономики, что обуславливает необходимость разработки новых подходов. Данное обстоятельство обуславливает необходимость формирования гибридной модели с применением совокупности инструментов различных подходов проведения стабилизационной политики, однако вектор направленности их может изменяться. Если в классическом монетарном варианте предполагается манипулирование стабилизационном процессом с помощью снижения процентной ставки, то в 2014 году и на современном этапе в России Центральный Банк проводит политику повышения ключевой ставки с целью регулирования валютными резервами субъектов экономики для защиты национальной валюты и достижения сбалансированности в экономике.

На наш взгляд, стабилизация макроэкономики представляет собой сложный процесс, отражающий взаимовлияние и взаимосвязи различных типов стабилизации – финансовой, производственно-структурной, институциональной, стабилизация занятости в различных условиях, поэтому требует комплексного подхода в выборе модели стабили-

зации в зависимости от конкретных экономических условий функционирования национальной экономики. В связи с этим необходимо учитывать воздействие автоматических и искусственных стабилизаторов, внутренних и внешних факторов экономического и институционального характера.

Заключение. В рамках разных экономических школ заложены основы формирования стабилизационной политики в закрытой и открытой экономике, которые не потеряли свою актуальность в настоящее время, однако необходимо учитывать реальные условия развития национальной и мировой экономики, выявлять дестабилизирующие факторы воздействия на структуру экономики с учетом временного периода, формировать соответствующие модели стабилизационной политики, обосновывать вектор направленности регуляторов.

В настоящее время более приемлемой считается гибридная модель стабилизации, в которой четко выделены краткосрочные и долгосрочные периоды, учитываются эффекты мультипликатора и акселератора, условия экономического развития в контексте изменения мировой и внутренней политики, институциональные условия взаимодействия стран-партнеров, а также выделяются следующие инструменты воздействия на достижение сбалансированности в экономике: налоговая ставка, трансферты, система страхования, ключевая ставка, внутренняя и внешняя процентная ставка, минимальная заработная плата, социальные программы (выплаты), изменение формальных правил, способствующих стабилизации во всех сферах экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гайдар Е. Политическая экономия внешних шоков // Экономическая политика. 2006. № 2. С. 73–94.

2. Глазьев С. Ю., Айвазов А. Э., Беликов В. А. Циклически-волновые теории экономического развития и перспективы миро-

вой экономики. Предсказуемо ли среднесрочное и долгосрочное развитие мировой экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 219. № 5. С. 177–211.

3. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 384 с.

4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Антология экономической классики. В 2-х т. Т. 2. М.: Эконов, 1993. 486 с.

5. Клейнер Г. Б. Политика социально-экономической стабилизации: условия, содержание, институты / Пути стабилизации экономики России / под. ред. Г. Б. Клейнера. М.: Информэлектро, 1999. 188 с.

6. Корнаи Я. Путь к свободной экономике (Страстное слово в защиту экономических преобразований) / Пер. с англ. М.: Экономика, 1990. 149 с.

7. Мау В. Стабилизация, выборы и перспективы экономического роста (политическая экономия реформы в России) // Вопросы экономики. 1997. № 2. С. 58–75.

8. Оганесян Л. О., Федюнина Е. Н. Макроэкономика: учебник. Волгоград: ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2020. 416 с.

9. Сакс Дж. Д., Ларрен Ф. Б. Макроэкономика. Глобальный подход / Пер. с англ. М.: Дело, 1996. 848 с.

10. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход / Классики кейнсианства. В 2-х т. Т. 2. М.: ОАО Изд-во «Экономика», 1997. 416 с.

REFERENCES

1. Gajdar E. Politicheskaja jekonomija vneshnih shokov [The political economy of external shocks]. *Jekonomicheskaja politika* [Economic policy], 2006, no 2, pp. 73–94.

2. Glaz'ev S. Ju., Ajvazov A. Je., Belikov V. A. Ciklicheski-volnovye teorii jekonomicheskogo razvitija i perspektivy mirovoj jekonomiki. Predskazuemo li srednesrochnoe i dolgosrochnoe razvitie mirovoj jekonomiki [Cyclic-wave theories of economic development and prospects of the world economy. is the medium- and long-term development of the world economy predictable]. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2019, vol. 219, no. 5, pp. 177–211.

3. Galbraith J. K. *Novoe industrial'noe obshhestvo* [The New Industrial Society]. Moscow, Progress, 1969. 384 p.

4. Keynes J. M. *Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg* / *Antologija jekonomicheskoy klassiki* [General Theory of Employment, interest and money / Anthology of Economic Classics]. Vol. 2, Moscow, Jekonov, 1993. 486 p.

5. Klejner G. B. *Politika social'no-jekonomicheskoy stabilizacii: uslovija, sodержание, instituty / Puti stabilizacii jekonomiki Rossii* [Socio-economic Stabilization Policy: Conditions, Content, Institutions / Ways to Stabilize the Russian Economy] / pod. red. G. B. Klejnera. Moscow, Informjelektro, 1999. 188 p.

6. Kornai Ja. *Put' k svobodnoj jekonomike (Strastnoe slovo v zashhitu jekonomicheskij preobrazovanij)* [The path to a free economy (Passionate word in defense of economic transformation)]. Moscow, Jekonomika, 1990. 149 p.

7. Mau V. Stabilizacija, vybory i perspektivy jekonomicheskogo rosta (politicheskaja jekonomija reformy v Rossii) [Stabilization, elections and prospects for economic growth (political economy reforms in Russia)]. *Voprosy jekonomiki* [Questions of Economics], 1997, no. 2, pp. 58–75.

8. Oganesyanyan L. O., Fedyunina E. N. *Makrojekonomika* [Macroeconomics]. Volgograd, FGBOU VO Volgogradskij GAU, 2020. 416 p.

9. Sachs J. D., Larren F. B. *Makrojekonomika. Global'nyj podhod* [Macroeconomics. A global approach]. Moscow, Delo, 1996. 848 p.

10. Hansen E. *Jekonomicheskie cikly i Keynesianism*. Vol. 2. Moscow, ОАО Izd-vo *nacional'nyj dohod / Klassiki kejnspanstva* [Economic Cycles and National Income / Classics of «Jekonomika», 1997. 416 p.

Информация об авторе

Елена Николаевна Федюнина, кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник научно-экономического отдела, Прикаспийский аграрный федеральный научный центр Российской академии наук, ул. Северный квартал, 8, 416251, с. Солёное Займище, Черноярский район, Астраханская область, Российская Федерация, elena.fedyunina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5243-6397>

Information about the Author

Elena N. Fedyunina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Researcher of the Scientific and Economic Department, Caspian Agrarian Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 8 Severny Kvartal str., 416251, Saline Zaymishche village, Chernoyarsky district, Astrakhan Region, Russian Federation, elena.fedyunina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5243-6397>

Для цитирования: Федюнина Е. Н. Основные подходы к формированию политики макроэкономической стабилизации // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 83–91. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N3.pdf

Сетевое издание

**ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

№ 3(9) 2023

Дата выхода в свет:
2 октября 2023 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10